

ЗАМОК
ЧУДЕС

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

Джек на Востоке

10079

ЗАМОК ЧУДЕС

Андрей Белянин

Джек на Востоке

Сказочная повесть

Иллюстрации Н. Торопицыной

 Москва, 1999
АРМАДА
&
«Издательство Альфа-книга»

УДК 82-312.9 (02.053.2)
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-445я5
Б 44

Если ты попал на Восток — жди невероятных приключений!

Именно это и происходит с уже известным нашим читателям героем предыдущих книг писателя Андрея Беянина Джеком Сумасшедшим королем. На этот раз нашему герою и его верным друзьям противостоят многочисленные слуги хана ифритов. Трудно приходится героям, да к тому же они похитили принцессу Гюль-Гюль, дочь самого султана...

Для среднего и старшего школьного возраста

Раскаленное солнце яростно пылало надо всем Агрипинским архипелагом. В порту города Кэфри только что пришвартовалось потрепанное судно из христианских стран. Несмотря на серьезную разницу в вероисповеданиях, приводившую к частым войнам, христиане и мусульмане в мирное время успешно торговали. Вот и сейчас корабль привез груз белой шерсти тонкорунных овец, железо, меха, стекло. Бойкие торговцы тут же бросились к судну, выпытывая у приезжих купцов цены на товары. Языковых барьеров торговля не знала. Вместе с моряками на берег сошел бледный молодой человек в пестрой одежде. Вернее, не сошел — его вынесли, попросту бросив на тюки с шерстью. Да и бледность не совсем точное определение — цвет лица бедного Сэма Вилкинса варьировался от голубоватого до зеленоватого. Что делать, если ученик чародея совершенно не переносил качки... Всего одна неделя болтанки по морским волнам показалась

ему целым годом непрерывных страданий. За это время Вилкинс двести раз проклял сам себя за глупую обиду на друзей, триста раз просил небеса дать ему помереть спокойно и десять тысяч раз отказался от женитьбы на дочери марокканского султана.

— А если она уродина каких поискать? А если у нее усы? Здесь многие женщины с усами... А вдруг она старая дева и по возрасту годится мне в мамы? А вдруг за ней не дают приличного приданого? А что, если она вообще уже замужем и у нее восемнадцать детей? — жалобно постанывал Сэм, пытаясь сползти с тюков и встать.

Жара угнетала, в карманах незадачливого жениха бренчало всего несколько монет, арабского языка он не знал, но твердая почва под ногами вновь возродила в нем гордый дух отчаянного авантюриста. Вилкинс пригладил волосы, развернулся, осмотрелся, и... неожиданный шум за рядами бочек привлек его внимание. Любопытство не порок, но сгубило столько кошек... Сэм и не подозревал, как одна божественная случайность может стать судьбоносной. За бочками шла драка. Двое оборванцев били третьего. Вилкинс было развернулся назад, но в этот момент с избиваемого упал тюрбан и по плечам рассыпалось множество черных косичек.

— Девушка! — ахнул Сэм.

Драчуны обернулись.

— Обалды, хамар гяур?! — грозно спросил один.

— Ничего не понимаю, — честно ответил ученик чародея и тут же выпалил все восточные слова, какие успел подхватить на корабле: — Салам алейкум, Аллах акбар! Карачун-бабай, шайтан-арба, базар-кирякми. Арык, урюк, аул, ишак!

Два смуглых оборванца побурели, сжали кулаки и шагнули к Сэму. Прекрасно понимая, что в неравном бою он не победит, а пути к бегству отрезаны, храбрый Сэм открыл рот, дабы позвать на помощь, и...

— Гав, гав, гав, гав, гав!!!

Хулиганы замерли в испуге. Бедная девушка тоже, да и сам Вилкинс несколько опешил. Впрочем, быстро сообразил, как использовать создавшееся положение:

— Гав, гав! Гау, гау! Аф, аф! Тяф, тяф!

— Карсак-шайтан! — в голос завопила вся троица местных, бросаясь наутек. Парни бежали первыми. Сэм сделал шаг и успел поймать девушку за косички.

— Ну а ты-то куда? Ой, я еще плохо владею вашим языком. Как же это будет? В общем, вот эти злые нукеры? Аскеры? Торшеры?.. Они же тебя обижали? Били, колотили, щипали?.. Я тебя спас! Я хороший! Не убегай! Якши?

— Не буду...

— Вот и ладушки! Что? — не сразу уловил Вилкинс.

— Я хорошо говорю на языке белых людей из-за моря,— улыбнулась девушка.— Моя мать была рабыней богатого торговца шелком, он вывез ее из северных стран. Она рассказывала мне о снеге... Но храброму господину это не может быть интересным. Чем я могу ему служить?

— Ну... не знаю даже. У меня никогда не было собственных слуг. Вот что... Пойдем куда-нибудь, где можно пообедать.

— Слушаюсь, мой господин. Здесь неподалеку есть чайхана.

И Вилкинс, надувшись от важности, проследовал за черноглазой проводницей. Впервые в жизни его назвали господином, да еще храбрым, да еще девушка, к тому же хорошенькая, уж в этом-то ученик чародея знал толк. Следуя маленькими улочками, полными базарного люда, Вилкинс неустанно вертелся, восторженно разглядывая окружавшие его чудеса. Например, удивительных зверей, ростом превышающих лошадь, с двумя мохнатыми горбами и меланхоличным взглядом.

— Кто это?

— О Аллах, мой господин никогда не видел верблюдов? — поразилась девушка.

— Нет. А ты когда-нибудь видела, ну, например, белку?

— Нет.

— Темнота некультурная! — удовлетворенно заявил Сэм.— Как хоть тебя зовут, необразованная?

— Мейхани, мой господин. А вас?

— Полное имя — Самюэль-Сеид-Акбар-ага-угу-Вилкинс. Внебрачный сын марокканского султана. Только это большой секрет! Я путешествую инкогнито по своей стране, и в целях конспирации называй меня просто Сэм.

— Как будет угодно моему высокородному господину... — с неподдельным уважением ответила девушка.

— А это кто?! Вон тот, маленький, симпатичный, с копытцами и длинными ушками?

— Ишак.

— Ишак? Минуточку, а разве ишак это не деревня или поселок?

— Поселок называется кишлак! — недоверчиво сощурилась Мейхани. — А вы точно из Марокко?

— Конечно! Как я мог забыть... Кишлак! Там все едят кишки! Очень вкусно...

Под пристальным взглядом девушки Вилкинс запнулся, стушевался и тихо произнес:

— Ладно, сдаюсь... Где тут твоя чайхана? Пойдем поговорим начистоту...

В тот же вечер в порту бросило якорь еще одно купеческое судно. В числе прочих пассажиров на берег сошли благородный старик с длинной бородой и профессорским видом, высокий воин в походном костюме с боевым се-

ребряным мечом у пояса и красивая девушка-охотница с колчаном, полным стрел, и луком за плечами. Все трое прекрасно владели арабским. За время плавания Лагун-Сумасброд рассказал друзьям все, что знал о традициях, привычках и правилах Востока. Одного заклинания хватило, чтобы Джек и Шелти запомнили все, ибо перед ними стояла очень серьезная задача — поймать Сэма до того, как он на совершает глупостей. А зная деятельный характер ученика чародея, можно было смело предположить, что с него станется в одиночку объявить Новый Крестовый поход...

— Джек, куда, по-твоему, мог направиться этот охламон?

— Я думаю, сразу во дворец. Раз уж он так скоропалительно решил жениться, то вряд ли будет тратить время на ухаживания, хотя... Лагун, вы ведь знаете его дольше, чем я. Он мог куда-нибудь завернуть по дороге?

— Запросто, мой мальчик. В турецкие бани, например. Сэм почему-то убежден, что мужчины и женщины моются там одновременно. Или на базар, посмотреть «танец живота». Или, как ты говоришь, напрямик во дворец, но не к султану, а в его гарем.

— Вот бабник! — фыркнула Шелти. — Давайте не будем его искать. Тут и так много интересного. Если гарем ему дороже друзей...

— Милочка, — вздохнул колдун, — если его поймают в гареме, то сделают евнухом.

— Подумаешь, очень даже приличная профессия. Может, он хоть тогда за ум возьмется?

— А велика ли гарантия, что его там поймут? — заступился за друга Джек.

— М-м-м... признаться, до сих пор не ловили ни разу. Опыт у него есть. Лично я советую не строить пустых предположений, а сразу направляться во дворец. Рано или поздно Вилкинс туда заявится.

Если бы они только знали, что виновник всей суматохи в данный момент наслаждается пловом в уютной чайхане совсем неподалеку... Увы, Лагун-Сумасброд повел друзей к блестящему султанскому дворцу.

— Когда-то, лет тридцать назад, я бывал в этих краях и даже водил дружбу с местными волшебниками. В большинстве своем это были очень приятные люди, но довольно коварные, необузданные в гневе и склонные к не слишком обдуманным действиям. Горячая кровь. Что поделать — Восток...

А именно в этот день великий султан Марокко, достославный Пуфим аль-Рахим-Хасан ибн Рахат-Али Махмуд-паши-бей-Залимухеддинов готовил к походу в баню свою единственную дочь. Луноликая красавица Гюль-Гюль в плане бань была очень покладистой девушкой. Ей нравилось ехать через весь город в окружении тысячи страж-

ников, преданных мурз, бердан-беев и башибузуков, на белом слоне, под золотым балдахином. Как наследницу трона принцессу никуда не выпускали из дворца, поэтому девушка искренне радовалась любой возможности высунуть нос наружу. К тому времени, когда загрели трубы и народ ринулся на площадь, Вилкинс успел обжеститься...

— Мейхани, а что это за шум там на улице? Такое впечатление, будто весь город ловит одного-разъединственного таракана, перемещающегося с сумасшедшей скоростью, а того, кто первым на него наступит, ждет ценный приз.

— О нет, мой господин,— улыбнулась девушка.— Просто дочь султана, прекрасная Гюль-Гюль, идет в баню.

— В баню?! — Сэм едва не подпрыгнул на ковре.— Я тоже хочу в баню. У меня уши не вымыты!

— Вы хотите увидеть принцессу?

— Да! Жадно, безумно, страстно, безнадежно, яростно, безудержно, отчаянно, бесповоротно — хочу!

— Тогда пойдемте, луноликая охотно являет свою красоту взору каждого.

— Мне нравится такая доступность,— окончательно воодушевился ученик чародея,— но мне нужно успеть прикупить мочалку.

— Зачем? — напряглась девушка.

— Как «зачем»? Ну, там... спинку ей потереть, познакомиться, шуры-муры, то да се, в бане все

равны. Я же должен хорошо рассмотреть свою будущую невесту, так сказать, без...

«Ап!» — Побелевшая от ужаса Мейхани ловко заткнула рот Вилкинса хурмой. Бедный Сэм бешено вращал глазами, возмущенно сопел, абсолютно не понимая, почему это все вокруг так резко замолчали.

— Мой господин пьян! Я отведу его домой, — громко объявила девушка, потащив фантазера из чайханы и оставив на столе золотую монету Вилкинса в уплату за обед.

Уже на улице, в первой же подворотне, она крепко приложила его спиной к глинобитной стене и высказала все, что о нем думала:

— Если вы — сын марокканского султана, то я — дочь Папы Римского! Вы никогда не видели верблюда, вы путаете ишака с кишлаком, бастурму с пахлавой, ифрита с нефритом, аксакала с саксаулом. Вы не умеете сидеть на ковре, скрестив ноги. Вы способны заявить на всю чайхану о желании видеть наследницу престола в бане. О Аллах! Да как вас только не разорвали на куски за такие мысли?! Правоверному мусульманину даже в голову не взбредет такое вопиющее нарушение Корана! Это же портовая чайхана! Здесь

каждый второй завсегда так прекрасно понимает вашу речь...

— Правда? — поник Сэм.— Как жаль... такая хорошая маскировка была. Ну... может, я чего и приукрасил, но не намного. На самом деле я, конечно, не сын вашего султана...

— А кто?

— Я его племянник.

— О пророк Мухаммед, избави мои уши от этой неуклюжей лжи! — страдальчески всплеснула руками Мейхани, развернулась и быстро пошла по улице.

Перепуганный Вилкинс рванул следом.

— Эй, эй, эй! Ты куда?!

— Куда глаза глядят. Прощайте, мой господин.

— Но... а как же... это... ты ведь называла себя моей слугой!

— Я уволилась. По собственному желанию, без выходного пособия и рекомендаций.

— А... я же вашего языка не знаю!

— Аллах милостив, не пропадете.

— Мейхани! Ну, не беги ты так, я же не успеваю. Давай я тебя провожу?

— Нам в разные стороны! — отрезала девушка.— Если вам на север, то мне на юг, или наоборот...

— Ладно, каюсь — я соврал! Я всего лишь двоюродный племянник вашего... Троюродный! Ну пожалуйста-а-а... Мы вообще не родственники! Не бросай меня-я...

— Уф!..— Мейхани остановилась и сурово глянула в пристыженные глаза ученика чародея.— Вот что, господин ага-угу-Вилкинс, либо вы сейчас же рассказываете мне всю правду, либо — прощай навеки, моя синеглазая любовь, мы разошлись, как в пустыне караваны! Все ясно?

— Все,— обреченно кивнул Сэм.— История моя длинна и печальна. Я мог бы рассказывать ее долгими ночами, но... А что, на принцессу нельзя взглянуть хоть одним глазком?

— Можно... все спешат на площадь, чтобы посмотреть на торжественный выезд прекрасной Гюль-Гюль из дворца. Это очень красивое зрелище. А вашу историю выложите по дороге. Только покороче, я не султан и вы не Шехерезада, у нас нет в запасе тысячи и одной ночи!

Воспрянувший Вилкинс вприпрыжку двинулся за своей черноглазой проводницей, на ходу бурно расписывая все необычайные приключения последних лет, начиная с того момента, как Лагун-Сумасброд привел к ним в пещеру сумасшедшего бродягу...

В то же время к дворцовой площади направились и наши старые друзья.

— Раз уж все так бегут посмотреть на дочь султана, то Сэм этого момента точно не упустит,— твердо решила Шелти.

На охотницу озирались с восхищением и осуждением одновременно. Дочь рыцаря, вопреки местным обычаям, не покрывала голову, и волна зо-

лотых волос сияла на солнце, как королевская корона. Тугие лосины со шнуровкой обтягивали стройные ноги, куртка была расстегнута на одну пуговицу, а смелые глаза резко выделялись на общем фоне робких взглядов восточных женщин. Смуглые торговцы, слуги султана и молодые богатенькие шалопаи цокали языком, широко улыбались, всячески пытаясь обратить на себя внимание северной красавицы. Но, видя рядом внушительную фигуру Джека с серебряным мечом у пояса и поступью настоящего короля, быстренько оставляли всякие мысли о приятном знакомстве с загадочной чужестранкой. Когда наконец вся троица пробились в первые ряды, под торжественный рев труб распахнулись ворота дворца...

Выезд прекрасной Гюль-Гюль действительно был запоминающимся зрелищем, полным истинно восточной пышности и великолепия. Сначала вышли ряды музыкантов с трубами и барабанами, следом выбежала сотня невольниц, рассыпающих розовые лепестки. За ними суровые воины с кривыми ятаганами и лицами, укрытыми черной вуалью. Потом ряды всадников в сияющих доспехах, ярких костюмах, на белых, празднично наряженных лошадях. И лишь следом за ними шествовал огромный красавец слон, на спине которого под золоченым балдахином находилась единственная дочь марокканского султана. Народ бухнулся

на колени и, стуча лбом в землю, начал активно выражать восторженное почтение венценосной особе. В этот-то момент Шелти и узрела на противоположном конце площади худощавую фигуру Вилкинса, яростно втолковывающего что-то неизвестной черноволосой девушке.

— Вон он, ваш тощий авантюрист!

— Джек, нам совершенно необходимо поймать его именно сейчас, после церемонии он наверняка сбежит.

— Но, Лагун, если я попытаюсь прорваться через ряды стражи, то все решат, что это нападение на принцессу, — резонно предположил Сумасшедший король.

Друзья хмыкнули и решили подождать, а счастливый Сэм подпрыгивал, восторженно вопя на всю площадь:

— Да здравствует самая прекрасная из звезд Востока, несравненная сказка моего измученного сердца, красавица Гюль-Гюль, чей взгляд настолько затмил солнце, что я и не смею дерзать о короткой аудиенции в камерном кабинетике со свечами и ужином на двоих!

Слон споткнулся. Для столь вольной речи Вилкинс выбрал самый неподходящий момент. Музыканты молчали, жители города подобострастно лежали в пыли, и принцесса слышала каждое слово. От столь невероятной наглости чужеземца опытные нукеры опустили ятаганы, танцовщицы побледнели, Мейхани едва не бухнулась в обмо-

рок, Джек, Шелти и колдун зажмурились. А Сэм продолжал нести несусветную чушь:

— Драгоценный алмаз из алмазов, о Гюль-Гюль, ты такая пышка! В баньку собралась, свет очей моих? Так, может быть, скоротаем время пути приятной беседой? И хотя я не был на Босфоре, я тебе придумаю о нем... А еще я очень хороший массажист. Ну, ты меня салам алейкум, киска?

Черные брови принцессы гневно сошлись на переносице. Как наследница трона, она знала множество языков, впрочем, что имел в виду заезжий нахал, почему-то отлично поняли все. Народ недовольно заворчал... Как смеет этот северный варвар оскорблять дочь самого султана непристойными намеками и вульгарным тоном?

— Стража, взять его!

Но прежде чем охранники повернулись к Сэму, прежде чем Сумасшедший король потянулся к мечу, Шелти — к стрелам, а Лагун-Сумасброд вспомнил нужное заклинание, с четырех углов площади закрутились пыльные вихри, быстро превратившись в огромных ифритов. Это были могучие духи ростом в двадцать локтей, с синей кожей, с атлетическими мускулами и злобными лицами. Танцовщицы завизжали, бросившись врассыпную. За ними побежали трусливые музыканты, потом храбрые нукеры, а спустя пару минут все, кто пришел посмотреть на выезд принцессы, с криками улепетывали в разные стороны.

Водоворот бегущих людей закрутил Джека, колдуна и Шелти, унося их прочь от разыгравшейся трагедии. Четыре ифрита шагнули вперед и, поймав перепуганного слона, стали со смехом перебрасываться им, как живым мячиком. Бедное животное трубило со страшной силой, а красавица Гюль-Гюль перекатывалась внутри беседки, словно жук в коробочке. Истошный визг бедняжки только подхлестывал веселье демонов.

— Сейчас же отпустите ее, синюшные болваны!

Если вы думаете, что неугомонный герой сбежал вместе со всеми, то вы его плохо знаете. Сэм Вилкинс, уперев руки в бока, грозно стоял перед ифритами. Бледная Мейхани шепотом зывала к Аллаху, держась за спиной ученика чародея.

— Я кому сказал, чурки плосконосые?! Трепещите перед мощью разгневанного сына марокканского султана, ибо я — Самюэль-Сеид-Акбар-ага-угу-Вилкинс — намерен спасти свою возлюбленную из ваших похотливых лап. А ну, поставьте слона на место!!!

Недоуменные ифриты соизволили обратить внимание на маленького человечка, дерзнувшего возвыситься на них голос.

— Что тебе нужно, чужеземец?

К чести Сэма признаем, что трусом он сроду не был. А теперь, когда страшные приключения закалили его душу, он глядел на ифритов снизу

вверх, абсолютно уверенный в собственном превосходстве.

— Чего ты хочешь, чужеземец?

— Верните мою принцессу, дайте валерьянки слону, извинитесь перед султаном, подметите площадь...— пустился перечислять ученик чародея.

— Он — сумасшедший! — расхохотались сильные гиганты.

— В каком-то смысле да... Один мой друг был очень известным психопатом. Ну а с кем поведешься, от того и наберешься! Но ведь, с другой стороны, это так нравится женщинам...

— Что нам с тобой сделать? Убить? Съесть? Растереть в порошок?

— Только троньте его!

Из ближайшего переулкa уже бежал разгоряченный Джек. Серебряное лезвие меча горело на солнце. Следом спешила охотница. Ифриты обернулись.

— Сэм, не бойся, мы с тобой!

— Моя благородная кровь не знает страха, и ни в чьей помощи я не нуждаюсь! — сухо отрезал Сэм.— Отойдите в сторонку на десять шагов, вы только мешаете мне спасти этот дивный цветок аравийских пустынь. Гюль-Гюль, не скучай, любимая, я уже иду!

— Ах вот как! Пойдем отсюда, Джек, пусть сам выкручивается.— Шелти гордо взяла под ло-

коток Сумасшедшего короля, и ифриты неожиданно обратили на нее внимание.

— Красивая! — дружно решили они. — Берем обеих, хозяин разберется.

В ту же минуту дочь рыцаря исчезла, за ней испарилась принцесса и все четверо ифритов растаяли в воздухе. Джек с Вилкинсом оторопело смотрели друг на друга, а из переулочка, запыхавшись, топал Лагун-Сумасброд.

— Какие новости, господа?

— Страшные и ужасные! Из-за твоего шизанутого любимчика я только что лишился невесты с приданым! — праведно возопил обворованный Вилкинс. — Почему он вечно вмешивается в мои отношения с любимыми девушками? Шелти — нельзя, Лорену — не тревожь, даже мою чернявенькую Гюль-Гюль и ту не поцелуй лишний раз на людях!

Сумасшедший король просто задохнулся от возмущения, не в силах что-нибудь сказать.

— Цыц, охальник! — прикрикнул колдун. — Какая нелегкая понесла тебя на Восток?!

— Я и сам с усами, и в постоянном присмотре катастрофически не нуждаюсь! Джек, забери этого нудного пенсионера, у меня столько дел, что нет ни минуты на разборки с дедушками.

Теперь уже от обиды перехватило дыхание у Лагуна-Сумасброда. Старый волшебник грозно воздел руки к небу, намереваясь обрушиться на негодника наказующим заклинанием и уж

на этот раз точно превратить его в зайчика, но... ученик чародея, быстро нагнувшись, подобрал маленькое золотое колечко, валявшееся в пыли. Он сентиментально поцеловал его, надевая на мизинец.

— Это наверняка упало с чудного пальчика моей несравненной Гюль-Гюль. Ай-ай-ай! Как же я теперь без нее? Умру от горя сию же минуту. Но нет... я найду мою смуглолицую вишенку! Я всех ифритов заставлю в пустыне песок пересчитывать! Прочь с моего пути! Это говорю вам я — Сэм Вилкинс, троюродный внук племянника дальнего родственника знакомого водоноса при дворе марокканского султана! Я — великая белая болонка с огромным потенциалом роста и могучим умом мудрейшего пророка Черных гномов. Теперь вы все увидите мой истинный облик, ибо...

Договорить Сэму не удалось. Кольцо на его мизинце засветилось ярким золотистым пламенем, и Лагун-Сумасброд первым понял, что это значит.

— Перстень ифрита. Сними сейчас же, несчастный!

Поздно... Вспышка света, яркая как солнце, заставила всех зажмурить глаза.

На месте Сэма клубился желтоватый дым. Джек бросился вперед, разводя руками в поисках исчезнувшего друга.

— Поздно, мой мальчик,— тяжело вздохнул волшебник.— Это было магическое кольцо, по-видимому, оно соскользнуло с пальца одного из ифритов. Все виды восточного колдовства так неожиданны, парадоксальны и экзотичны. В данном случае мы имеем дело...

— Лагун, ради всего святого, где Сэм?! — взвыл Сумасшедший король.— Я очень вас уважаю, но сейчас совершенно не настроен на лекцию. Пропала леди Шелти, принцесса и наш товарищ — сделайте же что-нибудь!!!

— Юноша! — строго перебил старый колдун.— Я ведь и пытаюсь объяснить вам, что в данном случае все зависит от того, какой конкретно магией было заряжено оное колечко. Обычно «перстнем ифрита» называют небольшую заколдованную вещицу, без ювелирных изысков, простую и функциональную. Она способна исполнить одно желание владельца без всяких там заклинаний, наговоров, ритуалов и прочего оформления. Исходя из этого, попробуем вспомнить — что же пожелал Сэм?

— Воз и маленькую тележку всяких разных пожеланий!

— Верно. А раз все они исполнены быть не могут, следовательно, стоило бы предположить, что наиболее весомым окажется желание, высказанное с максимальной эмоциональной нагрузкой. Значит, сейчас мы увидим...

Грянул гром! Джек так и не понял, что произошло, когда с высоты на него рухнуло огромное, белое, пушистое и тяжелое существо, распластав беднягу по земле.

— Что и требовалось доказать! — авторитетно заявил Лагун-Сумасброд.

Сумасшедший король с трудом выбрался на свободу и ахнул — на выжженной солнцем площади перед султанским дворцом сидела белая болонка с удивленными голубыми глазами и хлопала длинными ресницами. Рост пушистой собачки едва ли уступал верблюжьему!

— Сэм... это ты?

— Не уверен... — подумав, сообщила болонка. — На всякий случай спроси еще раз.

Джек закатил глаза и, едва дыша от смеха, без сил повис на Лагуне-Сумасброде.

Постепенно площадь наполнялась народом. Сообразив, что ифриты уже ушли, храбрая стража принцессы вновь обрела присутствие духа. Пока старый колдун, ворча, накладывал на Сэма расколдовывающее заклинание, а Джек, схватившись за живот, все еще не мог прийти в себя от хохота над своим пушистым другом, наши герои оказались окружены тройным кольцом злобных нукеров. Восточные воины пребывали в крайне раздраженном состоянии, ибо вместо спасения дочери султана трусливо бежали. Теперь они хотели отыграться на свидетелях своего позора, тем более что эти непонятные чужеземцы не струсили, а отважно боролись с самими ифритами.

— Бесполезно... — развел руками Лагун-Сумасброд. — Слишком простая магия, не поправишь, не изменишь — надежно, как вбитый в стену гвоздь! И потом, я всегда путаюсь в напевно-поэтических закланиях восточных магов.

— Что ты хочешь этим сказать? — сдвинул брови Вилкинс. — Я сейчас кто?

— Болонка...

— А-а-а-а! Спасите-помогите, мама дорогая!

— ...но ростом с хорошую лошадь, а может, и выше.

— Да? Значит, я самая большая собака в мире?! — несколько утешился Сэм.— А кто мне это удружил, скажи на милость?

— Ты надел кольцо ифрита и сам напроорочил свою судьбу,— ехидно ответил волшебник.— Нечего было болтать всякую хвастливую чепуху, имея на пальце магическую игрушку.

— Тоже мне — магия... Зачем же все воспринимать так буквально! Пошутить нельзя, что ли?

— Давайте отложим дискуссию на потом,— предложил Джек.— По-моему, нас неправильно поняли и считают виновными в исчезновении принцессы. Похоже, даже будут бить...

А площадь вновь была запружена до предела. Еще бы, столько событий сразу! Ифриты появились, с чужеземцами поболтали, дочь султана украли, северную охотницу забрали, человека в собаку превратили и исчезли. А собака невероятных размеров, да еще и разговаривает. Вай-вай-вай, спаси, Аллах! Друзья прекратили внутренние распри, и Лагун-Сумасброд быстро сотворил коротенькое заклинание, обучив белую болонку арабскому языку. Он успел все сделать до того, как ворота дворца распахнулись. Главный визирь в сопровождении стражи выехал к нашим героям:

— Вы все умрете, недостойные!

— Ничего себе — приветственная речь,— мгновенно возмутился песик.— Эй ты, дырявый башмак пророка Сулеймана! Или научись разгова-

ривать вежливо с интеллигентной собакой, или я тебя покусую!

Визирь опешил, его воины стушевались...

— Шайтан?

— От такого же и слышу, деревенщина! Совсем культуры никакой. Я — Самюэль-Сеид-Акбар-ага-угу-Вилкинс! Внебрачный сын...

— Цыц! — Колдун прикрикнул на ученика и взял нить переговоров в свои руки. — Джек, будь добр, поддержи челюсти нашего щеночка на замке. Приветствую тебя, великий визирь! Мы мирные путники, попавшие в беду, и очень надеемся на мудрость и великодушие султана. Проводи нас к нему. Возможно, мы сумеем оказаться полезными друг другу.

— Мне по сердцу твоя речь, седобородый аксакал! Следуйте за мной, глубокий ум нашего повелителя сумеет разрешить все загадки, наказать виновных и воздать праведным.

С этими словами визирь развернул коня. Сумасшедший король похлопал Вилкинса по мокрому носу и... одним прыжком забрался ему на спину.

— Залезайте, Лагун! Раз уж так получилось, то особам нашего звания не пристало идти во дворец пешком. Коней, верблюдов и слонов мы не имеем, но ведь Сэм наверняка нас выручит?!

— Ага... на всю жизнь подражался спасти ваш королевский престиж! — привычно забурчал песик, но позволил старому волшебнику усесться

у себя на спине позади Джека.— Сам не пойму, с чего это я такой добрый? Нет, конечно, мне доводилось слышать о ездовых собаках, но вы уверены, что на них ездят именно так?! Опять сплошные унижения...

Вилкинс врал. На самом деле ему ужасно льстило, что именно он удостоен всеобщего внимания. Болонка гордо выпятила грудь и, смешно косолапя, самой торжественной поступью направилась во дворец. Народ охал, ахал, цокал языком и хлопал в ладоши. О принцессе забыли напрочь. Героем дня, бесспорно, стал несравненный Сэм!

В тенистом садике султанского дворца, у фонтана с золотыми рыбками, в окружении роскошных цветов, на мраморных скамьях друзья ожидали появления султана. Их величество появился один, без сопровождающих — визиря и всяких мурз. Стражи и телохранителей тоже не было видно, но Джек разумно предположил, что они сразу появятся по первому же знаку властелина. Вся троица с достоинством поклонилась, приветствуя великого Пуфима аль-Рахима-Хасана ибн Рахата-Али Махмуда-паши-бей-Залимухеддинова.

— Очень длинное имя для такого коротышки,— шепотом доложил Сэм на ухо Сумасшедшему королю.— Когда я стану его зятем, то обязательно сокращу как-нибудь по-домашнему. Например, просто Пуфик...

— Так это вы, неверные чужеземцы, виновны в похищении моей единственной дочери?! — неожиданно радостным голосом завопил султан, улыбаясь до ушей. — Эй, слуги! Сейчас же несите сюда лучшие вина, фрукты и все такое, я хочу устроить тихий праздник для моих дорогих гостей.

У всех троих путешественников рты раскрылись от изумления, а их величество счастливо продолжил:

— Вы думали, я в горе? О наивные северные варвары! Я — в восторге! Присядьте же и выслушайте короткую историю измученного отца. По-вашему, моя дочь — ангел во плоти? Увы! Она капризна, взбалмошна и, в нарушение Корана, совсем не слушает старших.

— Как я вас понимаю! — вставил Лагун-Сумасброд. — Эта современная молодежь везде одинакова в своем исключительном пренебрежении к традициям, опыту и мнению нашего поколения.

— Эй, эй, эй! Нечего тут катить бочку на мою неповинную невесту. Факты, факты давайте!

— Что сказал этот огромный пес? — вытаращился султан. — О какой невесте речь? Клянусь

Аллахом, мне показалось, будто бы он подразумевает мою...

— Вам показалось, ваше величество,— подтвердил Джек, сжимая руками челюсти вырывающейся болонки.— Наш друг перегрелся на солнце, обычно он не хамит венценосным особам. Так почему вы в радости?

— Потому что двенадцать принцев и королевичей сопредельных государств приезжали просить руки нашей несравненной Гюль-Гюль, а она всем отказала!

— О моя верная мышка! — не разжимая зубов, сентиментально просипел Сэм.— Ты знала, что я за тобой приеду.

— В результате все разобиженные отказом женихи готовили войну против моей маленькой страны. А теперь, когда ее украли ифриты, нет повода для кровопролития!

— Но... разве вы не переживаете за ее жизнь? — поразился Сумасшедший король.

— Как же не переживаю?! — надулся султан.— Очень даже переживаю! Волнуюсь страшно, потею, даже заикаться сейчас начну, но делать ничего не стану. Кража невест на Востоке — обычное дело. Говорят, что хан ифритов — самый могущественный чародей в мире. Ему подвластны и джинны, и ракшасы, и даже мелкие дивы. У него большой гарем, он берет в жены самых красивых девушек. Они живут в сказочной роскоши и неге, а раз уж моя дочь удостоилась такой чести

и я стану тестем хана ифритов, то на мой дворец не посмеет покуситься ни одна нечисть.

— Вполне логично,— подтвердил Лагун-Сумасброд.— Хотя лично я не был бы так уверен в порядочности вашего незваного «зятя». Он ведь может позабыть жениться, как честный человек. Что, если он увеличивает свой гарем лишь для коллекции?

— Спаси нас Аллах от такого позора! — испуганно отшатнулся Пуфим аль-Рахим.

— Минуточку,— неожиданно прозрел Джек,— но ведь вместе с принцессой эти негодяи украли и леди Шелти! Я никому не позволю утащить в гарем собственную невесту!

— Ага! Вот так тебе и надо, не будешь вредничать,— вырвался Сэм, одним кивком головы опрокинув зазевавшегося друга в фонтан.— Топись, несчастный, а я пошел спасать луноликую Гюль-Гюль. Ну и... Шелти могу захватить на обратной дороге. Эй! Ты где? Ты что, всерьез утонул?

В тот же миг Сумасшедший король вынырнул из воды и, вцепившись в густую шерсть огромной болонки, потащил упирающегося пса к себе.

— Что ты делаешь, хулиган?! Не смей меня макать! Спасите благородную собаку!

Лагун-Сумасброд улыбнулся, прошептал заклинание, и... легкий вихрь подтолкнул Сэма в пушистый зад — целый каскад брызг вперемешку с рыбками окатил султана.

— Пойдемте побеседуем в стороне,— предложил старый волшебник, подхватывая мокроватого султана под локоть.— Пусть молодежь порезвится, а нам с вами необходимо обсудить взаимовыгодные планы по дальнейшему развитию событий. Дело в том, что леди Шелти действительно очень нам дорога и надежда на благородство вора слишком иллюзорна...

А в это время в фонтанчике яростно боролись два неразлучных друга, оглашая весь дворец здоровым молодым хохотом.

Поздно вечером отдохнувшие и накормленные путешественники расположились в комнате для дорогих гостей. Перед сном Лагун-Сумасброд устроил маленькое традиционное совещание.

— Господа, я вынужден сообщить, что, благодаря неразумному поведению нашего активного недоумка, мы втравлены в невероятно опасную авантюру. Этот пушистый балбес...

— Попрошу не выражаться! — взвился пес.— Требую занести в протокол все незаслуженные оскорбления. Я вам не тварь бессловесная, а благородная собака и тоже право имею!

— Замолчи, ошибка природы! Будь моя воля, я бы на веки вечные оставил тебя бегать в собачьей шкуре. Все равно мозгов у тебя, как у дворняжки среднего пошиба.

— Ах ты, старый пень! Нет, Джек, ты слышал, а? Да я... да он... да ну вас всех...

— Лагун! Сэм! Довольно! — вмешался Сумасшедший король, прекращая скандал. — Сейчас не время для выяснения отношений, хотя... Вы, конечно, как хотите, но лично я намерен спасти мою Шелти.

— И я намерен спасти мою Гюль-Гюль!

— Уговорили, — пожал плечами колдун. — В общем-то именно об этом я и хотел подискутировать. Мы справились с колдовством леди Морт, одолели воскресшего бога Мек-Бека, но по зубам ли нам хан ифритов? У него многочисленное войско, и мы рискуем воевать против целой армии волшебников, а магия Востока мало изучена и сложна даже для меня.

— Ерунда! Главное найти, где они прячутся, а там я их всех перекусаю.

— Сэм прав. Надо отправляться в поход, на месте разберемся. Купим лошадей — и с рассветом в путь.

— Решено, — согласился Лагун-Сумасброд. — Вот только я бы предпочел иметь за спиной нашу проверенную гвардию — отца Доминика, Дибилмэна, Герберта...

— Безумные чужестранцы, как вы посмели даже помыслить о вызове могущественному хану ифритов?! — раздался громоподобный голос, и прямо посреди комнаты вырос черный джинн с кольцом в носу. — Мой повелитель послал меня

узнать, где находятся глупцы, дерзнувшие противиться его слугам. Он велел мне принести ему ваши головы.

— Мама дорогая, да ведь это джинн! — восторженно завопил песик, бросаясь обнюхивать незванного гостя. — Настоящий джинн! Черный, с колечком и сережками — блеск! Я никогда не видел джиннов, только в сказках читал. Лагун, давай возьмем его себе?

— На нашем пути их будут сотни, только успевай в корзинку складывать, — сухо ответил колдун.

— Тогда я буду их метить, чтобы не перепутать, — резонно предложил ученик чародея, задирая лапку.

— О шайтан! Меня опозорили! — взвыл джинн, исчезая так же неожиданно, как и появился.

Три друга в недоумении переглянулись.

— Я и сделать-то еще ничего не успел, — обиделся Сэм. — Только-только пристроился... так нечестно!

— Восток — дело тонкое. Мы с вами ничего не знаем об истинной сущности джиннов. Вспомните, из-за чего погиб воскресший бог? Но могу вас уверить, если бы он не убежал, то наверняка распылил бы нас в порошок. Предлагаю лечь спать,

а завтра отправиться на поиски таинственного хана ифритов.

Условия договора волшебника и султана Марокко были предельно просты. Чужестранцы уходят в пустыню искать дворец хана ифритов и не возвращаются без принцессы. Старый волшебник пообещал за хорошую плату убедить своевольницу выйти замуж за выгодного трону принца. Если же их всех переловят, султан сделает вид, будто он и знать о них не знает, хотя лично профинансировал всю экспедицию.

Лагун-Сумасброд восседал на белом двугорбом верблюде, а Сумасшедший король на вороном аргамаке. Все необходимое для долгого пути вез маленький ослик, Сэм радостно прыгал вокруг и лез ко всем с вопросами.

— А правда, я очень симпатичная болонка? И сильная, как слон? Нет, как два слона! Гюль-Гюль при виде меня обалдеет от счастья, женщины так любят маленьких комнатных собачек... Иногда их даже берут с собой в ванную.

— Вместо мочалки? — не понял Джек.

— Ты что, издеваешься? — надулся песик. — Все-таки нет у тебя вкуса к красоте... Вот представь: большая ванна, в ней лежит моя хозяйка и тут же в хлопьях разлетевшейся пены резвится белая пушистая болонка. Я ее веселю, грею ей душу, создаю тепло и уют, потешно чихаю, взду-

вая мыльные пузыри... Милая женщина счастлива! Я кувыркаюсь прямо в ванну...

— Всей тушей? — съязвил Лагун. — И милая женщина уже глубоко несчастна. Ее ванна разбита, вода по всей комнате, а она сидит дура дурой на мокром кафеле вся в мыле! Спасибо собачке.

— Грубые, циничные люди. Я говорю с вами об эстетике! А вам бы лишь обсмеять все самое святое...

Вот так, безобидно препираясь, друзья выехали за окраину Кэфри, направляясь по караванному пути в глубь Аравийских пустынь. Там у разрушенного колодца их ждала черноволосая девушка в живописном тряпье. Она низким поклоном приветствовала путешественников.

— Мейхани?

— Да, мой господин пес... госпожа болонка?

— Да ладно тебе! — Сэм дружелюбно толкнул ее мокрым носом в плечо. — Иногда я имею склонность превращаться в самую замечательную собаку на земле и совершать великие подвиги. А ты куда сбежала тогда на площади?

— Никуда. Ифриты обратили вас в собаку, и я едва не умерла от горя. А потом стража оттеснила меня к простолюдинам, вас же отвели во дворец. Я подумала: вот этот ваш друг, у него ведь украли невесту, да? Светловолосую девушку с большим луком. Он же хочет ее освободить?

— Конечно... — попытался было ответить Джек, но песик грубо отпихнул его от Мейхани.

— Это моя знакомая! Я ее нашел и спас. О Аллах, укажи мне место, где бедная, интеллигентная собачка может без помех пообщаться с бывшей домработницей.

— С кем?! — хором сказали все трое.

— Не отрывайте мое время на уточнение пустых формальностей! Итак, милочка, чем я могу быть тебе полезен?

— Она ко мне обращалась! — возмутился Джек.

— Нет, ко мне! — уперся ученик чародея.

— А я говорю — ко мне!

— На что спорим?

— Не надо спорить! — взмолилась девушка. — Аксакал, разнимите их!

— Это лишнее, подерутся — сами успокоятся, — улыбнулся волшебник. — Лучше расскажите обо всем мне, и по порядку. Кто вы?

— Меня зовут Мейхани. Я... нищая. Бралась за любую работу, ходила с караванами, немного воровала, было всякое. Господин Сэм защитил меня от бывших дружков и позволил идти рядом как слуге. Он хотел жениться на принцессе и

выдавал себя за сына султана. С его длинным языком и незнанием местных обычаев...

— Понятненько. Он и вам пытался запудрить мозги?

— Но я все поняла, он уже начал говорить правду, когда пришли ифриты. Я все видела. Мне очень жаль... почему-то я чувствую себя немного виноватой. Я хотела заступиться, я не испугалась, меня оттеснила стража.

— Ты хочешь нам помочь?

— Да, почтеннейший. Я знаю многие караванные тропы и умею ходить по солнцу в пустыне.

— Нет и еще раз нет! — решительно топнула лапой болонка. — Это слишком опасное дело. Девушкам там не место. Во-первых, я и сам отлично справлюсь. Во-вторых, луноликая Гюль-Гюль может возревновать, если я приду за ней в обществе уличной оборванки. В-третьих, мне совсем не улыбается спасать еще одну легкомысленную особу. Хватит с меня и вас двоих.

Мейхани густо покраснела и было развернулась, но Сумасшедший король, прыгнув с седла, успел поймать ее за руку:

— Постойте. Не слушайте его, на самом деле Сэм неплохой парень, когда не строит из себя командира. Пойдемте с нами.

— Нет!

— Но вы говорили, что знаете дороги в песках.

— Все равно — нет! Пусть грифы раскроют бесчувственное сердце этой глупой собаки! Пусть ша-

калы играют этим клубком шерсти! Пусть все змеи и скорпионы пустыни...

— Ради Бога, довольно! — рассмеялся Джек. — Лагун, мы ее берем?

— Естественно. Большинством голосов «за». Нам нужен проводник. Девочка моя, считайте, что мы вас наняли, и не обращайтесь внимания на мохнолапного невежу.

— Садитесь на моего коня. — И Сумасшедший король легко посадил девушку в седло.

— А как же вы?

— Я поеду на Сэме.

— Что?! А меня вы спросили? Опять очередное оскорбление достоинства бедной собаки. Джек, я абсолютно убежден, что на болонках верхом не ездят! Ты уже сел? Ну вот. Разве кого-нибудь когда-нибудь волновало мое независимое мнение? Мейхани, где у вас тут комитет по защите животных?

Между тем дочь рыцаря очнулась в незнакомой комнате на широкой восточной кровати под балдахином.

— Куда же это я попала? — вслух подумала Шелти, вылезая из-под шелковых покрывал. Вместо привычного костюма охотницы на ней оказались тонкие длинные шаровары и пестрая рубашка до колен. — Кто же меня так принарядил? Где мое оружие?

Комната, в которой она находилась, была устлана коврами, стены изукрашены мозаичными цветами, алебастровый потолок покрыт тонкой резбой. В углу на жаровне дымились томные индийские благовония. Двери не было, а отдернув занавеси от окна, Шелти убедилась, что оно забрано крепкой кованой решеткой. Судя по всему, она находилась в какой-то башне, стоящей посреди оазиса, так как внизу были видны пышные деревья, пальмы, фонтаны и цветы, а вдаль, вплоть до самого горизонта, золотым кольцом тянулись пески пустыни.

— Вспомнила! — Дочь рыцаря хлопнула себя ладонью по лбу. — Мы с Джеком и Лагуном приехали в Кэфри на поиски Сэма. Потом на площади схлестнулись с ифритами. Значит, они похитили меня и привезли сюда. Клянусь клинком отца — я заставлю их дорого заплатить за мое пленение! Я отсюда быстро выберусь. Только бы найти нормальную одежду взамен этой кружевной пижамы...

Шелти не на шутку разозлилась. Если бы ифриты хоть на миг могли предположить, какое «сокровище» они доставили своему господину, то утопились бы со стыда. Охотница умела вести «партизанскую» войну. Она много практиковалась в замке злой жрицы Гаги Великолепной и теперь в умении отравить кому-нибудь жизнь просто не имела равных! Шелти подняла все вверх дном, но ее прежние вещи бесследно про-

пали. В гневе девушка топнула ногой — посредине комнаты за клубился дым, когда он растаял, перед Шелти стоял здоровенный черный джинн с кольцом в носу:

— Что угодно моей госпоже?

— Какой-нибудь столовый сервиз подороже. Я его разобью!

В раздраженном состоянии дочери рыцаря был неведом страх, в иное время она бы охотно повизжала. Джинн послушно сложил руки, кивнул и исчез. Явился обратно буквально через минуту, аккуратно положив к ногам девушки гору расписных тарелок, ваз и чашечек китайского фарфора. Шелти ласково взяла вазу побольше и с чувством глубокого удовлетворения расколотила ее о стену.

— Уф, сразу легче на душе. А ты, собственно, кто такой?

— Я — джинн и раб моей госпожи.

— Вот уж не знала, что у меня есть рабы... Откуда ты взялся?

— Великий хан ифритов — Саюмбамбей, Владыка Тьмы, Хозяин Ночи, могущественный из магов, сильнейший из волшебников, коварнейший и зловреднейший — повелел мне служить тебе, выполняя любые желания золотоволосой северной красавицы.

— Потакать капризам женщины? Не слишком престижная работенка для джинна твоего уров-

ня,— ехидно сощурилась охотница.— Почему же назначили именно тебя?

— От мудрости моей госпожи ничего не скроешь,— потупился джинн.— Я провалил задание. Мне было приказано найти твоих друзей и умертвить их. Но... тот огромный пес с серебряным зубом, он... опозорил меня!

— Стой, стой, минуточку... Ничего не понимаю. Какой пес, о чем речь? Когда меня похитили ифриты, на площади оставался Сэм Вилкинс — бабник и хвастун, Лагун-Сумасброд — волшебник и философ, и еще мой жених Джек по прозвищу Сумасшедший король. Никакой собаки там не было.

— Она появилась позже,— хихикнул джинн, шмыгая носом с кольцом.— Этот ваш Сэм ухитрился подобрать перстень ифрита, такое маленькое колечко, соскользнувшее с пальца одного из наших. Твой друг начал что-то болтать, произнес желание, и кольцо его исполнило. Он превратился в пушистую болонку величиной с верблюда!

— Сэм?! Вот потеха! — И Шелти вместе с джинном счастливо расхохотались. Отсмеявшись, дочь рыцаря шваркнула об пол два блюда.— Вот теперь мне совсем хорошо. Не буду уточнять, чем именно тебя опозорил наш мохнолапый герой, но верю, что он это смог! Дай возможность Вилкинсу испортить людям настроение — он своего не упустит. А теперь отнеси меня к Джеку.

— Не могу, госпожа.

— Что значит «не могу»?! Ты ведь только что назвал себя моим рабом и подряжался выполнять все мои желания!

— Увы, только те, что не идут вразрез с планами моего повелителя. Есть кое-что, чего я не могу для тебя исполнить.

— Например? — сразу же надулась Шелти.

— Мне нельзя отпускать тебя за пределы оазиса, нельзя приводить сюда твоих друзей, нельзя позволять тебе причинять самой себе любой вред и... вроде бы все.

— Ясно. Ты не только слуга, но и тюремщик!

— Такая наша неблагоприятная служба,— виновато развел руками смущенный джинн.

А Джек с друзьями неторопливо двигался по караванной тропе. Сэм потребовал, чтобы ему замотали голову простыней на арабский манер,

уверяя, будто бы болонки очень подвержены солнечным ударам. Мейхани оказалась незаменимой помощницей — умная, работающая, с неизменным чувством юмора, она сумела окружить всех теплом и уютом, создавая в пути совершенно домашнюю атмосферу отношений. Лагун, не слезая с верблюда, упорно вчитывался в древнюю книгу жизнеописания достославного Али-Бабы. Первые два дня пути прошли спокойно, но чем дальше путешественники уходили в глубь пустыни, тем больше признаков опасности встречалось на их пути. Выбеленные солнцем скелеты людей и животных, полузанесенные песком каменные скульптуры непонятных существ, черные развалины каких-то строений, засыпанные колодцы...

К закату третьего дня Мейхани остановила коня:

— Здесь все караванщики обычно поворачивают на запад, через неделю пути начинаются пло-

дородные земли. Или идут на юг — через две недели доходят до Шамаханских гор. Дороги на восток не существует. Говорят, что эта часть пустыни принадлежит могущественному хану ифритов. Многие смельчаки ходили туда проверить, так ли это, но ни один не вернулся назад.

— Я туда не пойду, — подумав, решил пес. — Что-то мне расхотелось жениться. Цепи Гименя... тьфу! Нет, мне милей моя свобода.

— Не городи ерунды, Сэм! — вспыхнул Сумасшедший король. — Я должен вернуть Шелти.

— Ну а я здесь при чем? Иди, тебе никто не запрещает. А мы с Мейхани возвращаемся к доброму султану Пуфику. Я вступаю в штат телохранителей, одновременно совмещая эту должность со ставкой придворного шута. Два года коплю жалованье, а потом подкупаю местных магов, они превращают меня обратно в человека, и я возвращаюсь на историческую родину богатым господином.

В ответ Джек схватил Вилкинса за пушистые уши и, оперевшись лбом в лоб присевшей болонки, заорал так, что на Сэме затрепетала шерсть:

— Это из-за тебя мы попали на Восток! Это из-за твоего хвастовства и хамства моя невеста томится в плену! Это из-за тебя нас хотел убить здоровенный джинн! Это из-за тебя мы плутаем по пустыне, бережем воду, заживо печемся на солнце, а когда до цели рукой подать — ты мне

говоришь: «Не пойду!» Предатель! Да я из тебя сейчас половик сделаю!

— Отойди, Джек! — грозно потребовал Лагун-Сумасброд.— Мне давно хотелось превратить этого изменника в зайчика. С помощью этой мудрой книги я понял, как мне сделать из собаки тушканчика. Ахалам-берды, махалам-хурды...

— Не-е-ет!!! — Бледная Мейхани отважно закрыла перепуганного песика.— Не трогайте его. Он устал, он обижен, ему плохо, одиноко и страшно. Не обижайте его, пожалуйста!

Колдун и Сумасшедший король смутились. Повисла гнетущая тишина. Первым сдался Джек:

— Простите нас, леди. Я совсем потерял голову. Просто не могу представить, что моя невеста находится в гареме у хана ифритов. Конечно, вы вольны избирать свой путь и не лезть в эту схватку. Я иду один.

— Мы идем вдвоем,— поправил старый волшебник.— Девочка моя, будьте так добры, разделите оставшиеся продукты и воду. Дай Бог вам обоим удачно добраться до Кэфри.

— А с чего вы взяли, что я вас брошу? — фыркнула девушка.— Это господин Сэм сказал, что он уходит. А меня он спросил? Лично я иду с вами. Дорога назад не очень сложная, сам дойдет.

Просто окаменевший от такого поворота событий Сэм круглыми глазами смотрел, как его друзья разворачиваются на восток, оставив на песке мешочек с сухарями и две фляги с водой.

Сердце бедного пса разрывалось от горя и непонимания. Он-то всего лишь хотел пошутить, покапризничать, хотел, чтобы его поуговаривали, приласкали, почесали за ухом...

Быстро опускалась густая аравийская ночь. Три путешественника остановились на привал. Джек развел костер, стреножил животных, а Мейхани разогрела на огне лепешки с овечьим сыром. Разговаривать не хотелось. Все остро ощущали нехватку болтовни неугомонного Вилкинса. Лагун ходил вокруг костра, что-то бормоча себе под нос, Сумасшедший король зачем-то начищал и без того сияющий меч, Мейхани грустила, обхватив руками колени, когда в темноте неожиданно раздалось кошачье мяуканье. Оно становилось все громче, и вскоре целый кошачий хор оглашал окрестности дикими заунывными во-

плями. Эту какофонию перекрыл дребезжащий старушечий голос:

— Тише! Тише, детки мои. Ужин уже готов.

Вой прекратился. В круг света от костра мелкими шажками вступила щуплая старушка. Ее черные одежды поистрепались и обносились, походка была старчески неуверенной... но глаза светились зеленым огнем!

— Ведьма,— с одного взгляда определил Лагун-Сумасброд.— Ох уж мне эти восточные женщины! С возрастом они легко превращаются из гурии в фурию. Девочка моя, подай вон ту недогоревшую ветку и немного пепла, будешь мне помогать. Джек, на всякий случай прикрой нам спину.

Волшебник живо очертил горячей палкой круг и бросил пепел на четыре стороны света. Он быстро прочел заклинание, пока Мейхани по его указу торопливо опоясывала место их ночлега длинной веревкой, и пламя костра взметнулось, окрасившись в голубой цвет. Высокое колдовство сработало.

— Ни одна нечисть не посмеет переступить через заколдованную мной веревку из верблюжьей шерсти. На какое-то время мы можем расслабиться.

— А что это делает ведьма? — настороженно спросила Мейхани, глядя на приплясывающую старуху.

— Не знаю... — пожал плечами Лагун-Сумасброд. — Если хочешь, давай у нее спросим. Линия обороны ничуть не мешает нам вести переговоры. Эй, милейшая, вам что, лягушку за шиворот бросили или это такой приветственный танец аборигенов для дорогих гостей?

— Замолчи, седобородый шайтан! — раздраженно рывкнула бабка. — Я — ужасная Арзи-би-би! Ты дерзнул вступить на территорию великого хана ифритов, а я стою на страже границ его владений. Никто не пройдет, не заплатив должной цены!

— Это, наверно, своеобразная таможня, — догадался Сумасшедший король. — Ну, все. Теперь с нас начнут требовать документы, визы, справки о прививках, уплаты всех пошлин, но... на этом строится правопорядок любого государства. Законы надо уважать. Сколько мы вам должны, добрая женщина?

— Мне не нужны деньги. Вы заплатите кровью любого из вас! — злорадно рассмеялась ведьма.

Друзья нахмурились.

— Джек, здесь твое королевское благородство никому не нужно. Переждем до утра, я все-таки убежден, что охранный линия...

— Старый ишак! Пустой бурдюк! Пересохший арык! Что ты можешь знать о мощи восточной

магии? Сейчас сюда придут мои детки, и, если вы не решите, кого им отдать в жертву, они разорвут всех!

— О Аллах! Это всего лишь кошки,— облегченно протянула Мейхани, но улыбка быстро покинула ее лицо.

Тысячи черных как смоль кошек окружили троих путешественников. Глаза животных горели таким же зеленым огнем, как и у призвавшей их старухи. Впрочем, несмотря на оскаленные клыки, вздыбленную шерсть и выпущенные когти, ни одна кошка не рисковала переступить через заколдованную веревку.

— Дети мои, вперед! Убейте этих неверных! — продолжала бесноваться Арзи-би-би, и друзья почувствовали себя неуютно.

Мейхани вцепилась в рукав колдуна, а Сумасшедший король лихорадочно прикидывал, скольких тварей он успеет зарубить, прежде чем остальные захлестнут их с головой.

— Теоретически — наша крепость неприступна,— вслух рассуждал Лагун-Сумасброд,— магический круг еще никогда меня не подводил. Но практически — кошек слишком много, и, если они нападут одновременно... Первый ряд замертво ляжет на веревке, второй сверху — тоже, а вот третий, возможно, и сумеет пройти по телам своих товарищей, уж четвертый-то пробьется наверняка. Вопрос лишь в том, хватит ли кошкам сообразительности для планомерной атаки?

Словно в ответ на его слова ведьма начала строить кошек в правильные боевые ряды.

— Становись! Равняйся! Смир-р-р-на! За мной, дети мои! Мы исполним свой долг и схватим нечестивых чужеземцев. Они ваши...

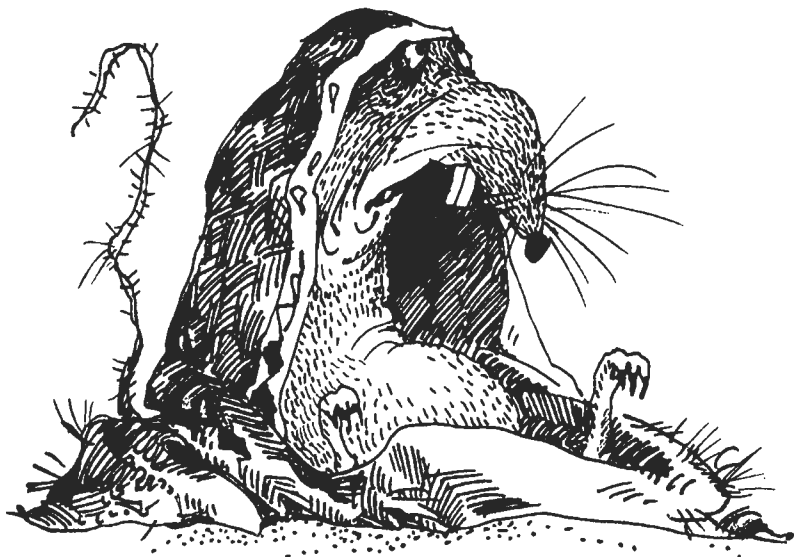
— Лагун, сделайте что-нибудь! — попросил Джек.

— Может быть... но ведь кошек это не останавливает, — призадумался колдун. — Разве что на минуту отвлечет, а для этого надо...

— Превратить ее в крысу! — с ходу предложила Мейхани.

— Будь по-твоему, девочка.

Лагун улыбнулся, прошептал несколько слов, взмахнул руками, и на песок упала черная одежда старухи. Из ее складок с трудом выползла облез-

лая серая крыса. Возможно, ведьма даже смогла бы вновь превратиться в человека, но не успела. Ближайшие кошки, узрев добычу прямо у себя под носом, бросились вперед и растерзали ужасную Арзи-би-би в мгновение ока.

— Так ей и надо! — кивнули Джек с девушкой.

— Все верно, но... кошки не уходят. Они уже получили приказ и выполняют его во что бы то ни стало,— обреченно отметил чародей.

Дикий рев со всех сторон показал, что нападение началось.

Черные кошки изготовились к прыжку. Сумасшедший король поднял меч над головой, Лагун-Сумасброд начал творить очередное взрывное заклинание, Мейхани, выхватив из костра горящую ветку, тоже решила дорого продать свою жизнь, как вдруг... Кошки разом замерли, боясь даже повернуть головы. Откуда-то издалека доносился странный рокот. Постепенно он усиливался, и уже через минуту было ясно, что это громоподобный лай большой собаки! Кошки принялись жалобно обмениваться прощальными взглядами. Мгновение спустя их ряды были атакованы огромной болонкой в состоянии психической неуравновешенности. Кошки с воплями дунули во все стороны. Часть сгорела на магическом круге, нескольких сразил меч Джека, кого-то успел потоптать пес, но большинство сбе-

жало. Гордый Сэм какое-то время погавкал для острастки, после чего смущенно-виноватым тоном пробурчал:

— Ну вы как дети, ей-богу... Ни на минуту оставить нельзя, обязательно во что-нибудь влезете. Ладно, у меня душа отходчивая. Дай, думаю, схожу погляжу, чем они там перед сном занимаются. Успел вовремя. Ну, вот он я... вернулся.

— Стой, мой храбрый господин! Не переступай заколдованную веревку! — взвыла Мейхани, когда Вилкинс решил подойти поближе.

— Вы что... капканы против меня ставите? Волчьи ямы роете?! — поразился пес, отдергивая переднюю лапу.

— Это был круг магической защиты от кошек, — охотно пояснил колдун, снимая заклинание. — Быстро заходи внутрь, я сейчас опять его активизирую. Ночь длинна, мало ли кто еще зайвится.

Болонка, косолапя, прошествовала в круг и села у костра в неприступной позе оскорбленного достоинства. Первым к Вилкинсу подошел Сумасшедший король:

— Спасибо, друг. Ты здорово нас выручил. Обещаю, что сделаю все возможное и невозможное, чтобы освободить твою избранницу.

— И еще королевский подарок на свадьбу, — попросил Сэм, застенчиво лизнув Джека в нос.

Друзья помирились. Мейхани ласково почесала болонку за ухом, и даже принципиальный

Лагун-Сумасброд был рад обнять своего блудного ученика. Когда страсти улеглись, колдун «оседлал любимого конька», выдав слушателям целую лекцию по поводу произошедших событий.

— Как видите, господа, нам здесь не слишком рады. Султан честно предупреждал, что хан ифритов очень могущественный чародей, в чем мы и убедились на личном опыте. Однако есть несколько моментов, которые, признаться, изрядно меня смутили. Четыре ифрита, похитившие принцессу и леди Шелти, даже не попытались на нас напасть. Почему? Положим, что сбежавший от нас джинн также послан ханом ифритов. Но и он не причинил нам никакого вреда...

— Это я! Я его прогнал,— гордо завертелся пес.— Как поднял лапу, как...

— Самюэль, не перебивай! Суть в том, что на нас очень быстро обратили внимание и уважают как самых серьезных противников. Мы всего лишь подошли к границе его владений, а на нас уже бросили злобную старушенцию с тысячей натасканных кошек. Отсюда вопрос: мы ли такие «страшные» или наш враг не так грозен, как хочет показать? Ифриты — существа могучие и неуправляемые, откуда у них хан? Если он действительно подчинил себе ифритов, джиннов и ракшасов, то есть самые дикие и непредсказуемые племена, то, значит...

— Он сильнее самого Аллаха?! — округлила глаза Мейхани.

— Или все это искусный блеф, обман, иллюзия, мистификация и подделка,— тонко подметил Сумасшедший король.

— Именно! — удовлетворенно откликнулся колдун.— Я ни в коей мере не призываю вас недооценивать врага, но излишняя мнительность тоже не пойдет нам на пользу. В свете сегодняшней победы считаю необходимым сделать следующее заявление: я намерен дойти до конца и сорвать личину с безымянного хана ифритов! Ну а вы, молодцы, сможете попутно вернуть ваших дам сердца.

Слушатели разразились бурными аплодисментами. Волшебник еще раз проверил надежность магического круга, попросив Мейхани размотать побольше веревки, так чтобы она защищала и вьючных животных. Джек остался дежурить первую стражу. Когда Лагун и девушка уснули, к Сумасшедшему королю тихо подполз Сэм:

— Слушай, Джек, поговорить надо.

— Давай завтра? Иди спать, тебе менять меня через четыре часа.

— Опять вредничаешь, да? Ну, будь человеком — выслушай бедную собаку! У меня просто язык чешется, не могу молчать.

— Тогда другое дело, говори.

Пес набрал полную грудь воздуха и заговорщицким шепотом выдал:

— Она в меня влюбилась!

— Кто? — не понял Джек.

— Мейхани, дубина!

— Она не дубина.

— Да не она дубина, а ты. А она — влюбилась!

— С чего ты взял? — искренне удивился Сумасшедший король. — Мейхани такая добрая, красивая и умная девушка...

— Так, по-твоему, в меня может влюбиться только злобная уродина с мозгами набекрень?!

— Все равно мне не показалось, что у нее такая уж нестерпимая страсть к замужеству с большими собаками...

— Да я тебе говорю — любит! — горячо зашептал Сэм, возбужденно размахивая хвостом. — Я же разбираюсь в психологии женщин. Ты только взгляни, как она на меня смотрит. А как чешет за ушами? А как она за меня заступилась, буквально закрыла грудью? Да влюбилась, втюрилась, втрескалась по уши, можешь мне поверить!

— Ну... не знаю. Даже если и так, что с того?

— Как «что»?! Не могу же я оставить без внимания влюбленную девушку, — хитро подмигнул Вилкинс. — Ты бы завтра отвлек Лагуна на часок-другой, а я бы тут... Ну, утешил, успокоил, приласкал...

— А как же принцесса, несравненная Гюль-Гюль? — нахмурился Джек.

— О, это святое! На ней я намерен жениться, а Мейхани — это так... вроде закуски перед обедом. А-а-а-й! Что ты делаешь, медведь?! Больно-о-о-о!..

Сумасшедший король железной рукой схватил пушистое ухо болонки, скрутил его и прошептал так, что едва не разбудил всех:

— Только тронь девушку, ловелас несчастный!

Наутро хмурый Сэм уверял, что стал хуже слышать, и правда — левое ухо у него так распухло, что казалось вдвое длиннее правого...

Когда дочь рыцаря перебила всю посуду и несколько выдохлась, она присела на краешек роскошной кровати, размышляя о своем незавидном положении. Черный джинн сидел посреди комнаты, по-турецки скрестив ноги. Он нудно скулил какую-то тягучую песню.

— Подъем! Пора за дело,— наконец решилась энергичная Шелти.— Кстати, как там тебя звать?

— У меня длинное имя — Лю-ля-ке-Баб.

— Да ладно, встречалось и подлинней, сойдет. Я устала слушать твои однообразные серенады. Будешь меня развлекать, исходя из пределов дозволенного. Во-первых, принеси сюда мою старую одежду. Это ведь не запрещено?

— Слушаю и повинуюсь, моя госпожа.

Уже через минуту Шелти, спрятавшись за ширмой, с наслаждением надевала привычный костюм охотницы.

— Так, а теперь покажи мне весь дворец.

— Слушаю и повинуюсь. Следуй за мной, госпожа.

По мановению руки джинна часть стены отъехала в сторону, открывая потайной ход. Они спустились вниз по винтовой лестнице и целый час гуляли по роскошно обставленным комнатам дворца. Здесь были и прекрасные залы с яшмовыми полами, мраморными колоннами и выложенными мозаикой стенами. Богатые столовые, где самые вкусные и изысканные блюда стояли прямо на дорогих коврах, чередуясь с горами фруктов и запечатанными кувшинами редких вин. Бассейны из горного хрусталя и сауны из байкальского кедра с дымком благовоний и ароматами лечебных масел. Великолепные затененные спальни, миниатюрные сады с маленькими фонтанчиками. Словом, все, что душе угодно. Шелти напругало одно — за все время они ни разу не встретили ни одного слуги, или стражника, или хотя бы обычной уборщицы.

— А где же люди? Ведь уход за такими помещениями требует уймы рабочих рук.

— Хан ифритов не держит на службе людей. Они слишком требовательны, капризны, подвержены болезням, заботам о собственных семьях, и вообще — джинны сами со всем справляются.

— Странно... И вот еще — я слышала, будто бы каждый хан на Востоке имеет гарем. Почему мы туда не зашли?

— Это запретная тема, моя госпожа. О гареме нельзя говорить вслух. Хозяин узнает, такой скандал закатит, — даже съезжился Лю-ля-ке-

Баб.— Но, между нами говоря, по-моему, у повелителя серьезные проблемы с женщинами. Он наворовал их столько, что теперь не знает, как от них избавиться, и держит всех в одной кладовке.

— Где? — ахнула Шелти.

— В кладовке. Как только хану надоедает новая жена, он превращает ее в башмак и прячет в кладовку. Она у нас уже под завязку набита пыльными башмаками, и все на левую ногу.

— Да ваш хан просто больной! Так поступать с женщинами! Ну, я им займусь! Сию же минуту води его сюда!

— Не могу, госпожа, он в отъезде. Если хотите, лучше пока погуляем по саду.

Делать было нечего. Дочь рыцаря пожала плечами, отложив засучивание рукавов на следующий раз. Сад был столь же великолепен, как и весь дворец. Здесь росли деревья всех стран мира. На ветках пели разноцветные птицы, свободно разгуливали тигры и леопарды, олени и антилопы, зайцы и лисы — никто не пытался никого съесть.

— Ты можешь гулять здесь сколько захочешь, но не должна выходить за пределы оазиса. Это место заколдовано, и тот, кто хотя бы попробует вырваться из его круга, сгорит заживо при пересечении границы. Кроме хозяина и нас, джиннов, естественно...

— А звери и птицы?

— Они никуда не уйдут сами. Ты можешь даже погладить их, никто не причинит тебе вреда, но если в оазис попробует войти чужак — звери терзают нечестивца. Поэтому сюда никто и не ходит.

— Ну... один-то человек сюда точно явится, — с улыбкой протянула Шелти.

— На это может решиться только безумец! — хмыкнул джинн.

— Да, он и есть настоящий сумасшедший, — гордо подтвердила дочь рыцаря. — А кстати, помнится, что вместе со мной была похищена единственная дочь марокканского султана — лунолика красавица Гюль-Гюль. Где она?

— Вон в той башне. Ее покои похожи на твои, и я должен служить вам обеим.

— Тогда пошли к ней в гости. Я хочу поближе познакомиться со своей сестрой по несчастью. Это ведь тоже не запрещено?

— Нет, слушаю и повинуюсь, моя госпожа.

В следующее мгновение охотница открыла глаза в большой, богато обставленной комнате. На

роскошной кровати под балдахином мирно спала черноволосая наследница престола.

— Эгей, принцесса! Пора вставать.— И Шелти безапелляционно стянула с Гюль-Гюль шелковое одеяло.— Скоро полдень. Вставай, лежебока, нас ждут великие дела!

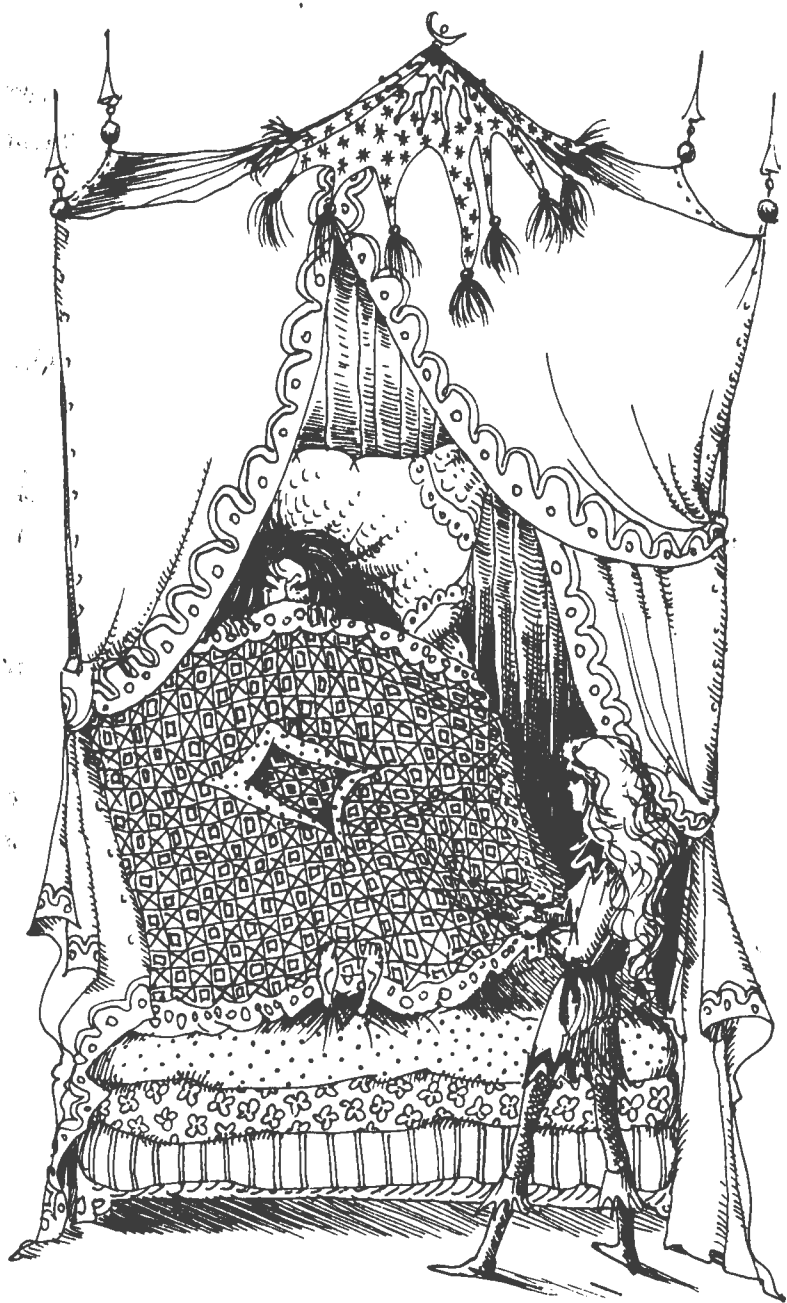
Несравненная Гюль-Гюль отпихивалась руками и ногами, ни в какую не желая вставать, но дочь рыцаря была неумолима. Наконец разгневанная восточная красавица села и разразилась цветистой речью:

— У, бледноликая дочь северных шакалов! Какого шайтана ты посмела прервать мой лучезарный сон в столь ранний час?!

— От такой же и слышу, чернобровая багдадская корова! — в тон принцессе отбрила ее Шелти.— Солнце уже в зените, а без твоей помощи мне будет трудно сбежать от хана ифритов.

— Глупая курица, а зачем же от него бежать? Всем доподлинно известно, что у него большой гарем, что его жены живут в роскоши и неге, он выполняет все их желания и даже помогает тестям и тещам, заваливая их несметными дарами.

— Тупая ворона! Вон у джинна спроси: вместо гарема здесь кладовка, куда складывают бывших жен, когда крадут новых. Хан превращает их в старые башмаки и экономит жилплощадь.

— Нечестивая свинья! Может быть, с другими он так и поступает. Раз он муж и господин, то на все его воля... Но уж меня-то он навсегда оставит рядом и уже не женится ни на какой другой!

— Самовлюбленная ослица! Такому избалованному мерзавцу всегда захочется чего-нибудь свеженького. Эй, Лю-ля-ке-Баб, как часто ваш хан меняет своих жен?

— Каждый месяц, моя госпожа.

— Любвеобильный козел! — одновременно выдали ошарашенные девушки. Поразмыслив немного, они подали друг другу руки:

— Шелти из Бесклахома, дочь рыцаря.

— Гюль-Гюль из Кэфри, дочь султана. Что ты намерена делать?

— Перевернуть весь дворец вверх дном, переколотить всю посуду, залить маслом все ковры, засунуть кадки с цветами в сауну, утопить все занавески в бассейне, повыбивать все стекла...

— Все это — эмоции! — отмахнулась принцесса.— На самом деле нам надо выяснить, в чем сила хана ифритов, и суметь справиться с ним прежде, чем он превратит нас в ненужную обувь.

— Да ты стратег! — восторженно хлопнула в ладоши Шелти.— Эй, джинн, будь любезен, принеси нам чего-нибудь легкого на завтрак. За столом самые серьезные проблемы кажутся не такими уж неразрешимыми...

Лю-ля-ке-Баб кивнул, и через минуту союзницы сидели перед богато накрытым дастарханом.

Джек и компания двигались по пустыне бодрым походным маршем. Мейхани указывала возможный путь, находя воду по признакам совершенно незаметным взгляду северного человека. Лагун-Сумасброд в принципе мог легко наколдовать стакан родниковой воды, но сознательно берег силы для более серьезных дел. Сэм же, наоборот, был переполнен энергией, всем мешал, всех задевал, и его старались почаще отправлять «на разведку» — просто побегать кругами и успокоить распалившееся воображение.

— Мейхани, а Мейхани, хочешь я тебя пока-таю? — После памятного разговора с Джеком песик стал относиться к девушке с непередаваемо трогательной заботой. — Что ты все время трясешься в седле? Залезай!

— А зачем?

— Как «зачем»? Я же мягче! Мы, болонки, вообще такие пушистые...

— ...и косолапые, — докончила Мейхани. — И носитесь все время как угорелые. Нет уж, спасибо, но я лучше еще немного посижу в седле, не такое уж оно и жесткое.

В это время на ближайшем бархане показался черный всадник, и оперенная стрела вонзилась в песок прямо перед ногами Сумасшедшего ко-

роля. Он как раз вел в поводу верблюда, на котором восседал старый волшебник.

— Остановитесь, чужеземцы! Перед вами — Коршуны пустыни!

— Я склонен предположить, что это разбойники,— мудро изрек Лагун-Сумасброд.

Остальные уважительно закивали, а всадник махнул рукой, и из-за того же бархана высыпало солидное подкрепление человек в двадцать. Все на лошадях, с кривыми саблями, луками и зверским выражением лиц. Узкоглазый атаман подъехал поближе, обратившись напрямую к колдуну, справедливо посчитав его за главного:

— Прошу простить меня за беспокойство, седобородый аксакал, но мы вынуждены вас несколько задержать.

— Будут грабить,— с тем же умным видом кивнул старый волшебник, и все снова согласились.

— Мы деликатно попросим оставить нам ваших животных, оружие, деньги, девушку и... эту невероятную собаку. Возьмите воду и немного еды на обратную дорогу, да сохранит вас Аллах.

— Впервые в жизни встречаю такого интеллигентного разбойника. Даже не знаю, как в этом случае отвечать? Э-э-э... милейший, вы бы пропустили нас, а? Я серьезный ученый, изучающий традиции и нравы Востока. Девушка — наш проводник, Джек — наследный король Бесклахома и по совместительству телохранитель, собака...

это Сэм. Не думаю, что он вам подойдет, но если вы его заберете — буду только благодарен!

— Увы, никак не могу, уважаемый,— скорбно развел руками бандит.— Был бы счастлив помочь, но не могу — мы так давно никого не грабили. Сдайтесь, пожалуйста, иначе мои джигиты будут вынуждены изрубить всех на шашлык.

— Канай отсюда, редиска! — вмешался пес, он и так долго молчал, а сейчас решил высказать все, перейдя с дипломатического языка на жаргон Дибилмэна.— Забирай своих корефанов и катись колбаской. Я тебе не шавка фраернутая, я кобель в законе! Серебряный зуб имею, две наколки на спине. Уходи, пока ходишь. Обычно я лью кровь ведрами, но сегодня погода не в масть и настрой в душе романтический. Так что пользуйся и сваливай...

Вопреки ожиданиям Вилкинса, разбойники говорящей собаки не испугались, даже наоборот, поцокав языками, определили для себя болонку как наиболее ценную добычу. В сторону Сумасшедшего короля и его друзей натянулись луки...

— Темнота! — обиженно буркнул пес.— А помните, как от меня удирали те разбойники из-под Бесклахома?

Серебряный меч ведуна сверкнул в руках Джека. Одним прыжком он сбил с коня предводителя

разбойников и, заломив ему руки за спину, приставил лезвие клинка к горлу.

— Только не убивай его, мой мальчик.— Лагун-Сумасброд щелкнул пальцами, и у всех разбойников разом лопнула тетива на луках. Колдун щелкнул еще раз, и та же участь постигла седельные подпруги. Джигиты, ругаясь, рухнули на песок. Мейхани на всякий случай спряталась за Сэма, предоставив разборку мужчинам. Вилкинс выпятил пушистую грудь, закрывая девушку, и гордо предупредил ближайшего бандита:

— Не подходи! Раз тяпну — неделю сесть не сможешь.

Но привыкшие к волшебству Коршуны пустыни набрались решимости и, невзирая ни на что, взялись за кривые ятаганы. Лагун начал было шептать новое заклинание, как в небесах промелькнула светлая полоса и чей-то строгий голос произнес:

— Вах, вах, вах... Как тебе не стыдно, Хабибулла? Опять людей грабишь?

От изумления Джек выпустил атамана. Прямо перед ними на ковре-самолете легко парил улыбчивый толстый старик в белой чалме, пестром халате и с хитрющим выражением лица. Разбойники тут же побросали оружие, упав на колени носами в песок.

— А ведь я предупреждал тебя, Хабибулла. Возьмись за ум, распусти своих головорезов, открой чайхану и продавай плов с лепешками и

тмином. Но нет... Тебе бы только отнимать чужое. Чему тебя, репоголового, учили в медресе? Ну, ладно, все, я устал... Получай по заслугам!

Раздался тихий хлопок, и все разбойники до единого превратились в обыкновенных сусликов. Наши друзья только рты разинули, глядя на такое волшебство. Лишь храбрый Сэм осторожно подошел к самому крупному, только что бывшему атаманом, и громко сказал:

— Гав!

Сусликов как ветром сдуло, а Лагун-Сумасброд меж тем вежливо кивнул старику на ковре:

— Вы очень вовремя, коллега. Большое спасибо за помощь. Я испытал чисто профессиональное удовлетворение, глядя на ваш зрелищный трюк с массовым превращением.

— Ну что вы... это не так сложно для человека, всю жизнь посвятившего магии перевоплощений живой материи,— скромно засмушался старичок.— А вы, похоже, не местные? С кем имею честь беседовать, коллега?

— Маг, ученый и исследователь, профессор Лагун-Сумасброд с учеником, другом и проводницей. Ваше имя, если позволите полюбопытствовать?

— Байрам-Бабай, отшельник, бродячий мудрец, изучающий алхимию, биологию, генетику, медицину и паронормальные явления.

Похоже, пенсионеры нашли друг друга. Лагун быстренько переполз с верблюда прямо на ковер

Байрам-Бабая, и они оба удалились на сто шагов вперед, шумно обсуждая последние достижения в области прикладной магии. А Сэм, убедившись, что Мейхани не обращает на него ни малейшего внимания, вновь начал приставать к Джеку:

— У меня проблема.

— Сбегай за бархан, там кустики.

— Да не эта, я жениться хочу.

— Ты всегда хочешь, — меланхолично отмахнулся Джек.

— Нет, теперь хочу окончательно и бесповоротно! Только я выбрать не могу... Они мне все нравятся.

— Кто «все»?

— Шелти, Гюль-Гюль, Мейхани... — начал перечислять пес. — Может, мне гарем открыть, а?

— Минуточку! Леди Шелти выходит за меня. Мы бы давно обвенчались, если бы не твое дурацкое бегство на Восток.

— Ха, это еще надо посмотреть, кого она выберет, когда я первым приду ее спасать! Но не будем ссориться из-за мелочей. Невестой больше, невестой меньше, какая разница? У меня все равно остаются луноликая Гюль-Гюль и аппетитная Мейхани.

— Ну а от меня ты чего хочешь? — начал потихоньку раздражаться Сумасшедший король: убежденность Сэма в собственной неотразимости могла довести кого угодно.

— Понимаешь, какое дело... Жениться на обеих одновременно нельзя. Если я сначала женюсь на Гюль-Гюль, то кто же мне позволит взять второй женой безродную нищенку? А если же я наперед женюсь на Мейхани, то ведь султан ни-почем не согласится, чтобы его дочь была лишь второй женой после портовой бродяжки?! Что же мне делать?

— Да ты хоть кого-нибудь из них любишь? — обреченно спросил Джек.

— А как же?! Окончательно и бесповоротно — обеих сразу! — убежденно ударил себя лапой в грудь ученик чародея.

— Тогда ничем не могу помочь.— Джек посту-чал Сэма по лбу. Звук был густой и долгий, как в колоколе.— Боюсь, что это неизлечимо...

Лагун-Сумасброд наконец-то обрел собеседника по душе. Пока маленький караван неустанно продвигался в глубь пустыни, два солидных старичка бурно обсуждали собственные проблемы, начиная от ломоты в ногах или прострелов в пояснице и заканчивая поисками философско-го камня и клонированием человеческого мозга. Мейхани, ехавшая на коне, вдруг напряглась и жестом поманила к себе Джека:

— Взгляните на песок, господин король, он шевелится!

— Действительно... Такое впечатление, словно нас сопровождает огромная змея.

— Спаси Аллах! — побледнела девушка. — Если это Кусан-Полозун, то мы пропали.

— Джек, дружище, — подбежал резвящийся Сэм, — чего-то я не разберу, вокруг такой запах, будто мы в змеюшник угодили, а ни одной гадины нигде не видно. Ты случайно не таскаешь в кармане змеиную шкурку? Говорят, это делает мужчину неотразимым...

В тот же миг земля вздыбилась, песок золотым столбом поднялся вверх и на поверхность бодро вынырнула здоровенная змея толщиной с бочку. Хвост прятался в песке, глаз не было, но раскрытая пасть демонстрировала острейшие зубы в два ряда. Зрелище было поистине ужасным! Джек и ахнуть не успел, как огромная болонка прыгнула ему на руки, истошно вереща:

— Спасите, помогите! Я с детства боюсь змей, они скользкие и противные!

Сумасшедший король сделал два неуверенных шага и рухнул вместе с Сэмом. Мейхани, визжа, скатилась с седла, а шипящее чудовище одним махом откусило коню голову. Благородный скакун упал, обливаясь кровью. Пока змея большими кусками пожирала жертву, Джек делал героические попытки оторвать от себя перепуганного пса. Мейхани, подскочив, вцепилась Вилкинсу в хвост, грозно крича:

— Вставай и дерись, трус несчастный! Ты мужчина или кто?!

— Риторический вопрос. Я — скромная, безобидная болонка.

Земля вздыбилась вторично, и еще одна страшная голова с двумя рядами зубов появилась с тыла, сразу же напав на беззащитного верблюда. Пока путешественники готовились к бою, бедное животное было уже съедено. Сумасшедший король сдвинул брови, выхватил меч и с боевым кличем обрушился на первого врага. Мейхани верхом на Сэме удирала от второго. Они петляли как зайцы, болонка буквально вытворяла чудеса маневренности, и страшные зубы каждый раз клаци вхолостую. Джек был просто вне себя от ярости, серебряная сталь с такой скоростью резала

воздух, что ее не было видно. Толстая кожа змеи с треском лопалась под ударами, но, видимо, жизненно важные центры находились ближе к голове — чудовище продолжало атаковать, несмотря на многочисленные раны. С зубов змеи капал яд, оставляя на песке шипящие воронки. Пушистой болонке меж тем удалось удрать в безопасное место, вторая змея почему-то прекратила преследование.

— Выдохлась...— решил запыхавшийся пес.— Не вынесла нашего темпа, дышалка слабая. Тренироваться надо! Ой, Мейхани... а чего ты такая зеленая?

— О Аллах! Да чтоб я еще хоть раз в жизни согласилась сесть на галопирующую болонку... Это все равно что скакать на ошпаренном шайтане!

Бедная девушка ничком кувыркнулась в песок. Встревоженный Сэм начал торопливо обмахивать ее хвостом.

— Вставай, вставай, малахольная. Посмотри, Джек еще дерется.

— Что? — мгновенно очнулась Мейхани.— Он там один против Кусан-Полозуна?!

— А чего вмешиваться? Он же псих, ему помогать — только под ногами путаться. Вторая змея нас ищет, а с одной...

— Это одна змея! Одна! Кусан-Полозун, у него две головы. Он бросил преследовать нас только

потому, что почуял серьезную опасность. Теперь он нападет на твоего друга с двух сторон!

— Жди меня здесь,— посуровел пес.— Вырой себе окоп и не высовывайся.

Сумасшедший король не мог знать, что происходит за его спиной. Отчаянно извернувшись, он исхитрился уйти вбок с линии удара и что есть силы хватил мечом. Серебряный клинок с хрустом вошел в череп злобной твари. Шипящий свист сзади Джек услышал слишком поздно... Когда он обернулся, пасть, полная зубов, уже нависла над его головой, но... укуса не последовало. На толстой шее змеи, яростно трепля ее, висела пушистая болонка. Кусан-Полозун бешено шипел, брызгал ядом, извивался, но никак не мог сбросить с себя Сэма, намертво сжавшего зубы. Сумасшедший король сумел наконец выдернуть меч из мертвой головы и броситься на помощь другу. На этот раз он зарубил уже почти издохшего врага. Серебряный клинок и мощные челюсти сделали свое дело.

— А... где... Лагун? — просипел ученик чародея, без чувств падая на песок.

— Там... общается...— тихо пояснил Джек, указуя рукой на едва заметную точку над горизонтом, и рухнул рядом с другом.

Час спустя, собрав уцелевшие пожитки и нагрузив ими Сэма, друзья пустились в путь. Ма-

ленький ослик сбежал в самом начале боя, его следы уже занесло песком. Усталые и измученные, друзья надеялись лишь на то, что старый волшебник о них все-таки вспомнит.

А Лагун-Сумасброд с Байрам-Бабаем выпили наколдованного шербета, закусили курагой, продолжая неспешную беседу.

— Так вы, уважаемый, решили бросить вызов могущественному хану ифритов?

— В какой-то мере да. У нас, любезнейший, попросту нет иного выхода. Видите ли, мой беспутный ученик удрал от меня на Восток в нелепой надежде тут же жениться на дочери марокканского султана. Но ее похитили ифриты, одновременно с этим превратив моего недоумка в болонку несусветных размеров. Это я бы еще как-то пережил... Пусть побегает в собачьей шкуре, на него это благотворно действует, но негодяи украли и леди Шелти — невесту моего молодого друга. Я считаю себя вынужденным вмешаться...

— О всемогущий Аллах, эта современная молодежь вечно лезет смерти в зубы. Вместо того чтобы поступить мудро, они поступают быстро. И в результате именно мы, старики, вынуждены вытаскивать их, как глупых щенков из лужи, где они пытаются укусить луну, — покачал головой Байрам.

— А главное, их ни на минуту нельзя оставить без присмотра. Вилкинс вечно сует нос куда не просят, а Джек столь благороден, что непременно

лезет помогать каждому попавшему в беду. Вот как вы думаете, чем они сейчас занимаются? Наверняка очередным мордобоем!

Только после этих слов Лагун-Сумасброд наконец соизволил обернуться. Позади никого не было видно. В голову старого волшебника забрела нехорошая мысль о том, что, наверно, он слегка переувлекся разговорами и потерял друзей. Ему стало очень стыдно.

— Уважаемый Байрам-Бабай, мы поворачиваем назад. Что-то у меня беспокойно на сердце.

— Как скажете, почтеннейший. Мой ковер-самолет за пару часов доставит нас на прежнее место. Летим на поиски ваших драгоценных друзей.

Ковер сделал плавный поворот, и... на его пути встала огромная фигура синего ифрита.

— Остановитесь, нечестивцы!

— У, нахал,— хором возмутились старички.— Где тебя воспитывали, что за непочтительное отношение к старшим?!

— Хан ифритов приказал умерщвлять любого, кто только дерзнет направить свои стопы в сторону его дворца. Вы умрете, аксакалы!

— Куда катится мир? — привычно заворчал Лагун, а Байрам попытался его утешить:

— Успокойтесь, что уж с них возьмешь? Детство, медресе, и всё в горах...

Пока они так рассусоливали друг с другом, ифрит быстро вытянул руки, схватил край ковра

и одним резким движением стряхнул почтенных старцев на песок! После чего мгновенно разорвал ковер-самолет на сотню маленьких лоскутков, издевательски пустив их по ветру. Злорадный смех синего ифрита гулко разнесся над пустыней. Лагун-Сумасброд от такого обращения пришел в несусветную ярость. Едва отплевавшись от песка, он запустил в ифрита огромный огненный шар, но негодяй увернулся. Тогда по мановению руки волшебника ноги ифрита обвили крепкие корни верблюжьей колючки, и, пока тот с ними боролся, Лагун кое-как поднял Байрама. У восточного мага от падения чалма сползла на нос, и он никак не мог освободиться. Стащив головной убор с лысеющей макушки друга, волшебник вновь повернулся к синему ифриту.

— Одну минуточку, высокочтимый профессор, начнем одновременно,— окликнул его Байрам.

— Как вам будет угодно, коллега.

И два старика, замахав руками, прочли два ужасных заклинания. От чар Байрам-Бабая ифрит мгновенно превратился в камень, а с пальцев Лагуна-Сумасброда в тот же миг сорвалась зеленая молния, со страшной силой ударив в грудь окаменевшего врага. Ифрит разлетелся на тысячу осколков.

Отдышавшись, оба волшебника присели на песок.

— Вай-дод... Вай-мэ... Какой хороший ковер был. Ручной работы старых мастеров — коллекционная вещь! Порвал, совсем порвал, шайтан...

— Придется что-нибудь придумать,— нахмурился Лагун.— Если здесь свободно шастают ифриты, значит, мои друзья в большой опасности. Нам надо срочно их найти.

— Увы, мой дорогой друг, я не смогу создать из этих тряпочек второй ковер-самолет,— развел руками восточник.

— Все равно разгуливать по пустыне пешком в нашем возрасте несолидно.

— Несолидно. Мы — уважаемые люди.

— А как вы смотрите на попытку создания из этих лоскутов двухместного слона?! — загорелся Лагун.

— Слона? Но ведь он получится из тряпок... Не уверен, что сумею надолго сделать из неживой

материи живую плоть,— пожал плечами Байрам-Бабай.

— И не надо! Это будет тряпичный слон. Как только найдем наших, опять превратим его в лоскуты. Я уверен, что смогу уговорить Мейхани сшить их точно по узору. У девушки золотые руки! Мы вновь воссоздадим ваш ковер-самолет.

— О всемилостивейший Аллах! Вы проливаете благовонное розовое масло на свежие раны моей души. Я иду с вами! Мы превратим лоскутья в слона, найдем ваших друзей, починим мой ковер, и я смиренно попрошу разрешения принять участие в войне против хана ифритов. Мне так понравилось работать с вами в паре...

— Весьма польщен, коллега, весьма польщен. Итак, не начать ли нам?

Встав из-за стола, новоиспеченные подруги настроились на повальный обыск. Бедный Люля-ке-Баб носился на подхвате как зайчик, а энергичные девицы вытряхивали шкафы, проверяли на предмет магии кольца, бусы, туфли, платки, ковры, трости, мечи — в общем, все, до чего могли добраться. Джинн ломал голову не в состоянии решить: должен ли он допустить такой погром или ему стоит нарушить указание хозяина «не причинять вреда» и посредством небольшого паралича прекратить творящееся безобразие? Меж тем план поиска «силы» хана ифритов по

ходу дела обернулся планом Шелти: дворец успешно превращался в свалку. Никто бы не поверил, сколько разрушений способны учинить две старательные девушки за какие-то полтора часа. Джинн верещал, что ему теперь одной уборки на неделю.

— Мы только начали... — пожимала плечами принцесса.

— А когда закончим, тебе будет проще построить новый дворец, вместо того чтобы приводить в порядок старый, — ласково добавляла охотница.

Лю-ля-ке-Баб пытался упасть в обморок.

К вечеру энтузиазм поиска несколько спал. Несмотря на всю разруху, ни одного магического предмета обнаружено не было.

— Слушай... а может, мы не там ищем?

— О Аллах, а где же еще?! Я, наверно, всю мебель передвинула. Такой физический труд не приличествует дочери султана. Вот, даже ноготь сломала...

— Да я не об этом, — отмахнулась дочь рыцаря. — Лагун-Сумасброд как-то говорил: если где-то нет кого-то, значит, кто-то где-то есть! Мы ищем волшебные вещи повсюду, но если бы ты или я их прятали, то разве положили бы так, чтоб их можно было найти?

— Ты хочешь сказать, что если их нет ни в одной комнате, — прозрела принцесса, — то, значит, мы видели не все комнаты!

— Умница! Пойдем искать.

— Вах, вах, вах... Куда торопиться? Мне тоже пришла в голову интересная идея. Может быть, мы ищем не только не там, но и не так?

— Эй, Лю-ля-ке-Баб! — в один голос позвали обе.

Джинн явился злой как собака, в пестром передничке, с веником в одной руке и половой тряпкой в другой.

— Что вам угодно, о злостные нарушительницы режима?

— У нас появилось желание продолжить поиски. А ты еще возишься с уборкой? Поторопись, сейчас бардак пойдет по второму кругу.

— Смилуйтесь, о несравненные пэри подлунного мира! — взмолился бедный джинн, падая на колени.— Я убрал лишь три комнаты, а вы на-свинячили в сорока! Хан снимет меня с должности, если завтра увидит хоть какие-то следы беспорядка. Пожалейте безработного джинна-а-а...

— О, так твой хозяин приезжает завтра? Надо поторопиться,— коварно сощурилась черноглазая Гюль-Гюль.— А в тайной комнате ты уже навел порядок?

— Нет. Спасибо, что напомнила, я... Стоп! Куда это я? — остановился развернувшийся было джинн. Он был простодушным малым и никак не мог противостоять выросшей в атмосфере интриг и заговоров принцессе.— Но ведь в тайную комнату вы не заходили? Следовательно, и убирать там не надо.

— Шелти, милочка, напомни — мы заходили туда или нет?

— Право, не знаю, дорогуша,— с полувзгляда подхватила игру дочь рыцаря.— Это такая маленькая, в башне, за персидским ковром?

— Нет! — раздраженно поправил джинн.— Это такая большая, в каминном зале, под половиком, вниз по лестнице в подвале.

— Там мы не были,— дружно кивнули подружки, радостно подталкивая друг дружку локотками.— Так что ты прав, Лю-ля-ке-Баб, можешь в ней не убирать.

Джинн облегченно выдохнул и пошел по своим делам, а Шелти и Гюль-Гюль, сорвавшись с места, наперегонки пустились в каминный зал. Они с натугой оттащили в стороны тяжелые столы, откинули половик... И впрямь, в полу виднелась квадратная дверца люка с медным кольцом посередине. Общими усилиями девушки сумели ее поднять. Вниз вели замшелые ступени, а откуда-то из глубины шел красноватый свет.

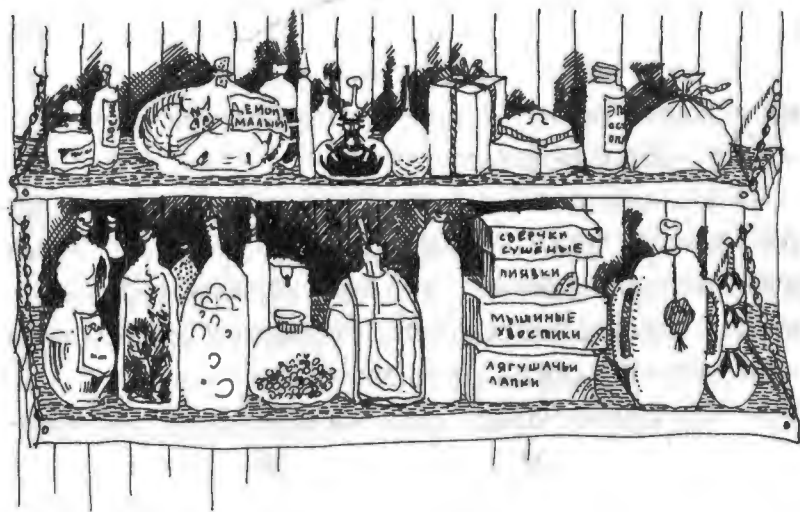
— Только после вас, ваше высочество,— присела в реверансе Шелти.

— Как можно, ведь вы гость в нашей стране. После вас,— поклонилась Гюль-Гюль.

Пару минут они поуживались друг друга, потом, вооружившись чем Бог послал и взявшись за руки, одновременно шагнули вниз. У принцессы был тонкий столовый нож, а у охотницы

изящная двузубая вилка. Тайная комната встретила их пышущим жаром неугасимого огня...

Вот теперь-то искательницы приключений попали куда хотели. Их взорам открылась небольшая лаборатория. Чуть ли не треть комнаты занимал камин, где корчился огненный демон, прикованный заколдованными цепями. На грубом столе и навесных полках располагались тысячи непонятных баночек, наполненных порошками, жидкостями, магическими снадобьями, а в отдельных случаях и живыми существами. Повсюду лежали непонятные палочки, на стене висел здоровенный меч, в углу на табурете лежал старый тюрбан, а шевелящийся ковер был прибит к полу за углы.

— Мы нашли! — восторженно завопила Шелти, целуя подругу в обе щеки.

— Уж теперь-то мы покажем этому хану ифритов, как превращать жен в башмаки! — счастливо скакала на одной ножке довольная Гюль-Гюль. — С чего начнем?

— Да с чего угодно! Вот хоть с тюрбана. Может быть, это на самом деле шапка-невидимка? — Дочь рыцаря схватила старый тюрбан и быстро надела на голову. — Ну как?

— Он тебе великоват... висит на ушах, — критически отметила принцесса.

— Это не важно! Скажи, ты меня видишь?

— Естественно, если говорю еще раз — поправь тюрбан! Набекрень его не носят... Ой! Клянусь бородой пророка, ты пропала!

— Вот здорово! — обрадовалась невидимая охотница. — Значит, его надо просто слегка поворачивать. Так интересно-о! Хочешь померить?

Наигравшись с волшебным тюрбаном, девушки взялись было за меч, но принцесса проявила редкое благоразумие:

— Не спеши. Если этот меч и вправду тот легендарный Секир-Башка-Карачун, то он будет рубить всех, кроме того, кто держит его за рукоять. Избави меня Аллах от ранней смерти, как и от горя пролить твою кровь.

— Ты права. Наверняка многие вещи здесь могут оказаться опасными. А давай спросим?

— У кого?

— У этого полыхающего мужичка в камине, — деловито предложила Шелти. — Эй, демон! Ты там все равно сидишь без дела, так, может, поговоришь с нами? Мы бы хотели выяснить пару вопросов насчет разных магических предметов в этой комнате. Ты ведь все видишь и наверняка знаешь, как ими пользовался хан ифритов.

— Хвала Азраилу, у вас хватило ума обратиться ко мне. — Голос демона напоминал треск горящих сучьев. — Если вы враги моего господина, то я помогу вам. Но за это придется заплатить...

— Чем? — подозрительно сощурились авантюристки.

— Тем, чем кормят огонь! Я же огненный демон.

— А-а, — облегченно выдохнула Шелти. — Вот это кресло резного дуба, ручной работы, штучное изделие — подойдет?

— Да! Давай его, девчонка!

— Сначала скажи, почему ковер так крепко прибит к полу? — вставила Гюль-Гюль.

— Все просто. Это ковер-самолет. Если его освободить, встать в центр, топнуть ногой и сказать: «Отныне и навеки — повинуйся мне, ибо я — твой господин!» — то ковер подчинится и будет покорен любому вашему желанию. Где мое кресло?! Хрум-хрум-хрум...

— Очень полезная информация, — дружно решили подружки, сдвинули стол к стене и, висая-

щими на стене щипцами выдернув гвозди, освободили ковер.

— Я его пока скатаю, а ты выясни насчет остального,— попросила Шелти.

Принцесса кивнула, но огненный демон уперся:

— По одному предмету за вопрос! Хочу вон ту табуретку.

— Что это за меч?

— Ты же сама сказала — сам Секир-Башка-Карачун собственной персоной. Пока он в твоих

руках — никто не может тебя победить. Поэтому его вытаскивают из ножен непосредственно перед боем. Этот клинок не оставляет ни свидетелей, ни очевидцев — сносит головы, как кочаны капусты. Удовлетворена?

— Твоя табуретка, получи. А вон там, в углу, такие высокие пыльные сапоги — это для чего?

— А что дашь? — тут же облизнулся демон.

— Вот обжора... О Аллах и его пророки, чем же напичкать тебя, неугомонного? Тут есть маленький столик, пойдет?

— Нет. Магических предметов я не ем, мало ли что... А если по столику постучать и сказать: «Дастархан, встречай гостей», то он тут же выставит роскошный ужин с правильной сменой блюд, фруктами и вином. Видишь две старые занавески в углу? Давай их! Умница. Но за сапоги заплатишь отдельно!

— Эй, Шелти-джан, мне больше нечем его кормить, — пожаловалась дочь султана. — Тут только большой стол остался, кое-какие книги, столик волшебный, вроде все...

— Полки! — сообразила Шелти.

Вдвоем они осторожно освободили полки, переложив все на пол, и первой же деревянной полкой сполна расплатились за рассказ о сапогах-сорокоходах. Вторая полка пошла в уплату за посох, указующий наличие кладов, третья — за платок, умеющий находить воду в пустыне, а чет-

вертая — за гребешок, превращающий вшей в жемчужины.

— Мне он не пригодится,— задумчиво решила принцесса, пытаясь всучить драгоценную вещицу дочери рыцаря.

— Мне, знаешь ли, тоже! — даже обиделась Шелти.

— Хорошо, тогда просто возьмем с собой и подарим какой-нибудь нищенке на базаре. А теперь главный вопрос — в чем сила хана ифритов?

— Не-е-е-т,— опомнился демон.— Эта тема запретная. Мне может здорово влететь! Я вам и так помог, имейте совесть.

— Значит, не скажешь?

— Не скажу.

— Ни за что?

— Ни за что!

— А за стол? — хитро сощурилась Гюль-Гюль.

— За стол — скажу,— застенчиво потупился огненный демон.— За такой хороший, большой, вкусный кипарисовый стол я родину продам! Спрашивайте...

Первой потеряла сознание Мейхани. Песик поудобнее перекинул через плечо сумку с лепешками и флягу с остатками воды, потом стал на задние лапы и, держа в передних обессиленную девушку, побрел за Сумасшедшим королем. Немилосердно палило солнце, песок казался рас-

каленной лавой, жара затрудняла дыхание, горячий воздух обжигал легкие. Джека удерживала от падения лишь железная воля. Он знал, что должен спасти свою невесту, и не было силы, заставившей бы его повернуть назад. Он шел, не выпуская меча из рук, падал, поднимался и вновь шел вперед. Сумасшедший король не помнил того момента, когда его хватил солнечный удар. Сэм только кротко выдохнул, когда его друг повалился на песок и не встал.

— Ну, конечно... все опять на мне. И хоть бы слово благодарности! Нет, все падают, изображают аристократические обмороки, а я тащи? Да, милостивые государи, очень невыгодно быть болонкой такого размера. У нас доброе сердце, и все этим пользуются. Как же мне их взять-то, обоих сразу?

Поразмыслив немножко, ученик чародея вновь опустился на четыре лапы, перебросил на спину бедную Мейхани, а Джека понес в зубах, держа за поясной ремень. Ворчать, не разжимая зубов, очень сложно, но и молчать всю дорогу Вилкинс не мог, поэтому он старательно бухтел про себя:

— Лагун, старый хрыч, нашел себе дружка с перелетным ковриком и шляется неизвестно где. На нас тут нападают толстенные червяки с двумя головами, и если бы не мой личный героизм... Финита ля комедия! Джек в отключке, ему, видите ли, головку напекло, а Мейхани так вообще,

кажется, попросту храпит... Шелти и Гюль-Гюль небось объедаются ананасами, лопают киви, трескают разные авокадо и наверняка неплохо проводят время в ожидании свадьбы... Всем хорошо! А я?! А обо мне кто-нибудь подумал? Эгоисты.

Внезапно его взору открылась рощица молодых пальм, зеленеющая за барханом. Воодушевленный песик рванулся туда, увязая в песке. Только бы не мираж! Но, к счастью, оазис оказался настоящим. Маленькое озерцо с подземными источниками, окруженное со всех сторон финиковыми пальмами, кустарником и цветами. Измученный Сэм аккуратно сложил друзей у воды и с размаху плюхнулся в озеро! В ту минуту он точно знал, что такое собачье счастье!

Выбравшись на берег, он шумно отряхнулся, обдав Джека и Мейхани водопадом брызг. Они зашевелились, но еще не пришли в себя.

— Полежат в тенечке, оклемаются,— решил Вилкинс, прижимая камушком ветки китайской розы так, чтобы спасительная тень легла на лица его друзей.

— Что ты делаешь, брат?

От неожиданности Сэм даже подпрыгнул. Позади него стояли три крупных шакала величиной со взрослого волка.

— Кто это сказал?

— Мы,— ответили шакалы.

— Не дурите голову бедной болонке,— взмолился замотанный Вилкинс.— Надеюсь, я не на-

столько устал, что у меня начались галлюцинации? Всё, всё, всё... пора в санаторий. Будь бдителен, Самюэль, первые признаки сумасшествия уже дают о себе знать... Шакалы — разговаривают. Когда они спляшут или прочтут стишок, экстренно беги в ближайшую психушку — у тебя шизофрения!

— Брат, этот оазис принадлежит нам, трем шакалам. Люди не могут пить из него воду и укрываться от солнца. Мы позволяем это только животным, — пустился объяснять один.

— Ты можешь жить тут сколько угодно, но запомни: помогать человеку запрещено! — добавил другой.

— Люди должны быть наказаны. Ты тоже виноват, ибо незнание законов не освобождает от ответственности. Поэтому искупи свою вину и быстро выброси этих двуногих за соседний бархан! — строго приказал третий.

Вилкинс протер глаза, прочистил уши, осмотрел шакалов со всех сторон, принялся, сходил к озеру, окунул башку, еще раз присмотрелся, а потом уточнил:

— Значит, вы разговариваете?

— Да. Когда-то мы были тремя братьями-разбойниками, промышлявшими у этого оазиса. Но один добрый волшебник, шайтан его раздери, застал нас на месте преступления. Он превратил нас в шакалов, оставив человеческую речь и разум. Мы должны были вернуть себе прежний облик, помогая путникам, заблудившимся в пустыне, найти воду,— тихо пояснил первый.

— Но зачем? — ухмыльнулся второй.— Ради чего нам помогать людям? Мы привыкли к этим шурам и находим много радости в теплой крови путешественников, остающихся здесь на ночлег. Мы сильны, мы быстры, мы привычны работать в команде, а еще у нас человеческий ум! Немало купцов и караванщиков оставило здесь свои кости.

— Ты ведь тоже заколдованный человек? Присоединяйся к нам. Ты очень похож на болонку, но совершенно невероятных размеров. С твоими данными легко втираться в доверие, ты сумеешь заманить сюда побольше народа. Об остальном позаботимся мы,— подмигнул третий.

— Эй, эй, парни... вы чего? — отступил ошарашенный песик.

— Люди зашевелились. Мы не успеем отнести их за бархан. Придется разделявать здесь. Пойдем, брат, мы научим тебя рвать нежное горло человека.

Шакалы, довольно повизгивая, двинулись вперед. Джек едва начал приходить в себя, а Мейхани, безуспешно пытаясь поднять голову, не находила сил даже на то, чтобы открыть глаза. Шакалы обнажили кривые клыки, но в тот же миг меж ними и беспомощными людьми, рыча, встала грозная белая болонка!

— Вон! Пошли вон, блохастые твари! — завелся Сэм, ошетинив шерсть от переполнившей его ярости.

Внешне это было похоже на большой пушистый шар с ножками, сдвинутыми бровями и отнюдь не маленькими зубками.

— Они же люди, брат. Они не такие, как мы. Ты только попробуй, как сладка человеческая кровь, и уже никогда не захочешь другой пищи, — ласково начал один.

— Но мы можем пощадить любого из них на твой выбор. Мужчину? Девушку? Бери и неси за бархан, мы оставим тебе твою долю. Решай, — предложил второй.

— И поторопись, ибо мы голодны! Ты наш. Тебя заколдовали люди — отомсти же им! Ты такой же зверь, как и мы. Сбрось с себя узы глупой привязанности к человеку, стань свободным, сам повелевай своей жизнью. Но берегись, если ты не с нами...

— Я — не с вами! — гордо рявкнул ученик чародея. — Я — не зверь, я — человек! И в собаку меня превратили ифриты по моей же глупости. А из своих друзей я не отдам вам никого! Слышите? Пусть только кто протянет грязную лапу к Джеку или Мейхани — он будет иметь дело со мной!

— Предатель! Изменник! Трус!

— Неправда! Я очень верный и очень храбрый, — надулся пес.

— Прощайся с жизнью, раб! Мы не станем долго церемониться с жалкой болонкой.

— Во-первых, я не раб, а свободный гражданин. А во-вторых, не жалкая болонка, а Болонка Невероятных Размеров! Покусаю, на фиг, волки позорные!

Три тощих шакала не успели пасть раскрыть, как «страшный» Сэм бросился в «психическую» атаку. Первого шакала он так стукнул лбом в лоб, что у того посыпались искры из глаз. Второй получил боковой удар лапой в ухо и классический апперкот. С третьим песик сцепился в партерной борьбе, яростно катаясь по песку. Шакал вырывался и пытался укусить болонку за горло, но Сэм был больше и тяжелее, а густая кудрявая шерсть забивала хищнику горло. Положив врага на обе лопатки, ученик чародея быстро «начистил» ему морду, оставив невыбитыми зуба два. В это время братья побитого несколько пришли в себя и кинулись на Сэма сзади. Бой закипел

с новой силой. Конечно, Вилкинс не проходил школу рукопашного боя у ведуна, но частенько наблюдал, как тренируется Джек.

— Ки-я-я-я! — выкрикнул пес, приняв боевую стойку, после чего подпрыгнул и в полете расшиб пяткой нос ближайшему врагу.

Шакал отлетел шагов на десять. Второй попытался укусить героя за ногу, но Сэм увернулся, свалил противника эффектной подножкой и удобно уселся на спине поверженного, выкручивая ему переднюю лапу. Шакал, воя, запросил пощады. С удовольствием добавив каждому по пинку в зад, белая болонка повыкидывала всех троих за бархан. Неравная битва завершилась полным триумфом пушистого героя!

Подойдя к лежащим друзьям, он с удивлением и даже нежностью отметил, что они мирно спят. Сэм еще раз поправил веточки, похлебал водички, успокаивая разгоряченные боем нервы, и тихо прилег рядом.

«Ну вот что ты с ними сделаешь? Спят себе, как сурки, без задних ног. Я тут дерусь, подвиги совершаю, бьюсь один в кольцо врагов, а эти двое ни сном ни духом... Вот ведь расскажу — не поверят. Скажут, вру и хвастаюсь. Как может одна болонка, бывший ученик чародея, устоять против трех шакалов, да еще бывших разбойников? Джек начнет ворчать, что его не разбудили, не дали помахать мечом, показать свою силу и ловкость. Мейхани решит, что я опять

все приукрашиваю в свою пользу. И на самом-то деле дрался не с шакалами, а с тушканчиками. И не с тремя, а с одним. И даже тот один сам сбежал без боя... Где справедливость? Когда другие совершают безумные подвиги, у них всегда полно свидетелей. А мои побитые кошкодавы ушли за бархан и вряд ли кому расскажут, кто их так разукрасил. Остается надеяться лишь на то, что моя луноликая Гюль-Гюль сразу поверит геройской повести храброй болонки и поцелует меня в нос...» — С этими мыслями он привалился белокурой спиной к Сумасшедшему королю и задремал.

Джек проснулся первым. Он напился воды, умылся и только тогда обратил внимание на следы яростной борьбы. Весь песок был истоптан следами больших шакальих лап вперемешку с отпечатками Сэма. Валялись клочья рыжей и белой шерсти, кое-где виднелась подсохшая кровь. Проснувшаяся девушка подошла к Сумасшедшему королю и тронула его за рукав:

— Как мы сюда попали?

— Не помню... Знаю, что вы потеряли сознание и наш друг нес вас на руках или, вернее, на лапах. Я шел впереди, потом... закружилась голова, я упал и... больше ничего не помню. Наверно, Сэм притащил сюда нас обоих.

— О Аллах, какой же он умница! А что вы тут рассматриваете?

— Здесь был бой, Мейхани. Настоящая битва. Взгляните на песок, видите следы? Я учился их читать. Минимум три здоровенных зверя, вроде волка или шакала, напали на нашего героя. Вилкинс бился один против всех и победил! Все это время мы оба лежали в отключке, совершенно беззащитные. Он дважды спас нам жизнь.

— Бедный песик...— всхлипнула девушка.— А я-то думала, что мне приснился страшный сон... Будто бы я на мгновение открыла глаза и увидела, как наш храбрый Самюэль-ага-угу бьется с тремя рыжими шакалами. Я знала, что такого не может быть, повернулась на другой бок и снова уснула. О пророк Мухаммед, так это был не сон?

— Да,— кивнул Джек, разводя руками.— Мне очень стыдно, но я не видел даже этого. Просто провалился в сон и очнулся буквально пять минут назад. Как только он отдохнет, я первый пожму его честную лапу.

— А я его поцелую!

— Только не сейчас.

— Почему?

— Пусть выпится, он очень устал. Давайте вечером.

— Ну уж нет! Пусть сию же минуту поцелует,— тут же открыл глаза хитрый пес.— А то вдруг к вечеру она передумает?

Ночевали друзья в том же оазисе. Сэм вообще предлагал никуда отсюда не уходить, утверждая,

что и Лагуну будет приятнее найти их здесь, а не где-нибудь по уши в песке. Но Джек был непреклонен, и следующим утром, запасшись водой и финиками, путешественники двинулись дальше. Всю дорогу Вилкинс бурно расхваливал свой личный героизм так, что к обеду ухитрился надоесть даже благодарной Мейхани. Тогда он переключился на друга:

— Джек, а Джек!

— Чего?

— Скажи, а женщины очень любят собак-героев?

— Безумно,— отмахнулся Сумасшедший король.

— Я тоже так считаю. Это людей-героев полным-полно, а героическая собака — большая редкость. Перед ними надо благо-го-го-веть! Она как узнает, сразу в меня влюбится, правда?

— Угу.

— А давай ты ей об этом расскажешь! А я буду как бы скромно стоять в тени. Так, ненавязчиво, мягко улыбаясь облакам, хорошей погоде... Вроде речь вовсе и не обо мне...

— Ну уж нет. Будет гораздо лучше, если ты обо всем расскажешь сам. Мне ни за что не удастся расписать такое батальное полотно. Я это не видел, а вот ты все покажешь в лицах. Кто и что сказал, кого и как укусил, куда и зачем убежал. Нет, дружище, твой героизм, ты о нем и

рассказывай,— твердо решил Сумасшедший король.

— Логично,— покачав головой, признал песик.— Слушай, а вот... Может, я отвлекаюсь от темы, но... ты тут случайно нигде не видел столбика, кустика или деревца?

— Зачем? — не понял Джек.

— Балда! Как ты думаешь, зачем собаку выводят погулять?! Дела у меня. Личные. Очень интимного свойства, а Мейхани я стесняюсь.

— А-а-а... так бы сразу и сказал. Столбиков здесь нет, но вон слева на горизонте что-то чернеется. Похоже на развалины крепости или мечети. Можешь спрятаться там.

— Я быстро.

Сэм кивнул и, помахивая куцым хвостом, рысью побежал в сторону развалин. Возможно, это и вправду была какая-нибудь древняя крепость, пески замели ее так, что лишь небольшой участок каменной кладки возвышался над барханами. Сделав свое дело, ученик чародея удовлетворенно потянулся, замел задней лапой «следы преступления» и... почувствовал, как его коготь царапнул по чему-то металлическому.

— Клад! — едва не завопил Сэм.

Он быстро начал разгребать песок лапами, но вытащил на свет лишь странной формы лампу. Он видел похожие во дворце у султана, но эта была гораздо старше, вся черная и проржавевшая.

Вилкинс раздраженно отшвырнул ее в сторону, покопался еще, но увы — ничего не обнаружил.

— Жизнь полна разочарований, — философски изрек пес, после чего развернулся было назад.

— А вдруг сокровище спрятано в старой лампе? Она довольно объемная, туда запросто можно засунуть десяток драгоценных камней. Ну-ка посмотрим!

Пес быстро отыскал отброшенную лампу, обнюхал, потряс, но, к сожалению, внутри ничего не бренчало.

— А что это за надпись здесь в уголке? — неожиданно разглядел он. — Наверняка инструкция к применению!

— Сэм! Ты скоро? — донеслось из-за бархана.

— Иду! Уже иду-у-у! — И Вилкинс быстро потер пушистой лапой лампу, стирая ржавчину с текста.

В ту же минуту из лампы повалил желтый дым и перед ошарашенной болонкой вырос классический восточный джинн.

— Надо же! Столько раз читать арабские сказки, и вляпаться в самую банальную историю с джином в лампе! — раздраженно фыркнул пес.

— О мой великий спаситель! О царь зверей! О благороднейший из всех собак! — загундосил

джинн, склоняясь перед Вилкинсом в глубоком поклоне.— Куда же ты уходишь?

— Дела, дела... Меня друзья ждут.

— А как же я, мой господин?

— А при чем тут ты? — развернулся пес.— Сколько ни читал «Тысячу и одну ночь», все сделки с джиннами приводили героев лишь к очередным неприятностям. Все — я умный и образованный. Пока. Привет семье.

— Не уходи, о мудрый и предусмотрительный! — возопил брошенный джинн.— Ты вызвал меня из тысячелетнего сна, и мне не обрести свободы, прежде чем я не исполню три твоих желания.

— Слушай, прилипала! Я уже говорил, что у меня много дел? Со своими проблемами разбейся сам. Я не Красный Крест и не касса взаимопомощи. Я тебя выкопал — ну и будь благодарен. А что касается исполнения желаний...— Только тут до ученика чародея дошло, о чем, собственно, речь. Он повернулся к джинну нос к носу и прерывающимся шепотом уточнил: — Что ты сказал?! На какое количество желаний я имею законное право?

— На три, мой господин.

— Маловато будет,— заскупердяйничал пес.

— Увы, таковы традиции джиннов. Три желания бесплатно, а за остальные придется платить.

— Сколько?

— Тридцать лет жизни за каждое,— улыбчиво пояснил джинн.

— Хм... не пойдет,— скумекал Сэм.— Мне уже двадцать пять, да плюс тридцать, это ж я буду почти старик! На фига мне тогда желания? Ладно уж, сегодня ограничимся тремя, а с завтрашнего дня я начну тотальный поиск зарытых ламп, понаосвобождаю целую кучу джиннов и уж тогда заживу в свое удовольствие. Что ты можешь?

— Все, мой господин.

— Вот и ладушки! А теперь не отвлекай меня, я должен сосредоточиться. Загадывать желания не такое простое дело, как может показаться...

— Сэ-эм, ты где-е-е?..— опять донесся из-за бархана встревоженный голос Джека.

— Да иду! Иду я! Уже почти прише-ел! — проорал песик и повернулся к джинну: — Значит, так. Хочу стать обалденно красивым! Ну, там прическа, маникюр, декоративная косметика, костюмчик с иголочки по последней моде, духи, одеколоны... Все по первому разряду, уловил? Да, и большое зеркало!

— Слушаю и повинуюсь, мой господин...

Когда Сумасшедший король все же не выдержал и, вытащив меч, пошел вместе с Мейхани на поиски подозрительно задержавшегося друга, он был готов ко всему. Но это... Первоначально у Джека просто челюсть отпала от удивления.

Мейхани среагировала быстрее и, схватившись за живот, рухнула на песок, задыхаясь от дикого хохота. Классический сказочный джинн держал в руках большое зеркало, а перед ним на задних лапах стоял Сэм с самым глупым выражением на морде. Белая болонка была завита, расчесана, украшена бантиками и ленточками, ресницы выкрашены сурьмой, губки подведены алым, на голове роскошный тюрбан из индийской кисеи с перьями павлина, на плечах длинный плащ из тяжелой парчи, пузо перехвачено шелковым шарфом с кисточками, на передних лапах дорогие кольца, в ушах серьги, на шее бусы... Вдобавок ко всему — красные туфли с загнутыми носами, усыпанные драгоценностями! Джек закатил глаза и сел на песок, хохоча как сумасшедший. Бурый от стыда Вилкинс набросился на джинна:

— Ты что же это со мной сотворил, недоумок?

— Все как вы приказали, господин,— искренне удивился джинн, пытаясь успокоить разгневанную собаку. Но Сэма уже понесло:

— Болван! Дебил ламповый! Балбес стоеросовый! В какой школе для недоразвитых тебя так учили магии?! Во что ты меня вырядил?

— Но вы сами так захотели! — праведно возмущаясь, завопил обиженный джинн.— Кто просил костюм, прическу, маникюр и все такое? Я честно выполнил ваше пожелание, уважаемый!

— Ты мне тут дурака из себя не строй! — взвыл опозоренный Сэм.— Перечисляет он тут... На фига мне все это барахло, если я сейчас болонка?! Я же подразумевал...

— А не надо подразумевать! Думать надо и говорить внятно, чего хочешь! Что же мне, все назад убирать?!

— Да, убирать! И уберешь как миленький! — окончательно рассвирепел ученик чародея.— Чтоб мигом всего этого тут не было.

— Слушаю и повинуюсь,— скрипнул зубами несправедливо оскорбленный джинн. Мгновение спустя Вилкинс принял тот же вид, что имел до выкапывания лампы.

— Уф... Ну, слава Богу, хоть что-то он может сделать как положено.

— Сэм, сейчас же признавайся, где ты раздобыл джинна? — все еще смеясь, выдохнул Сумасшедший король.

— Он в лампе сидел, а я его нашел. Случайно. Думал, клад, а он... Вон чего вытворяет! Нет, ну, я ему арабским языком говорю — хочу быть писаным красавцем, и все такое. Любому вшивому магу ясно, что я имел в виду красавца мужчину, то есть меня! Так этот умник с кольцом в носу начинает наворачивать бантики на бедную болонку. Джек, ну ведь всякому терпению есть предел!

— Но мой господин не указал...— начал было оправдываться джинн.

— А голова у тебя на что?! Мозги есть? Или они за тысячу лет в труху превратились? Сообщать же надо!

— Он... и... ха-ха-ха!.. со-об-ра... хи-хи!.. сообразил! — едва выдавила хохочущая Мейхани.— Он и от... отделал он... тебя, от всей широты души-и-и...

— Прекратите ржать, вы, чурбаны бесчувственные! — затопал лапами бедный пес.— Этот эфирный недоучка пообещал мне исполнить три желания, а в результате вырядил, как... Так даже клоуны в цирке не гримируются!

— Но, мой господин, я действовал в точном соответствии с вашими...— вновь встрял джинн.

— Заткнись! — взвился Вилкинс.— Прочь с глаз моих, двоечник! Чтоб сию же минуту и духу твоего здесь не было! Все! Разговор закончен. Когда понадобится, я сам тебя позову.

Последнюю фразу Сэм произнес уже на два тона ниже, поймав себя на том, что разговаривает с пустотой. Джинн испарился, даже не успев сказать «слушаю и повинуюсь». Ученик чародея неожиданно понял, что впустую израсходовал все три желания, предоставленные ему судьбой. Болонка внимательно обнюхала то место, где буквально минуту назад стоял добрый джинн, всхлипнула и... вновь бросилась тереть старую лампу.

— Сэм?

— Отстань!

— Сэм?!

— Я занят.

— Сэм, это бесполезно. Если я правильно вас понял, то он исполнил все три твоих желания. Вы квиты.

— Вот сейчас он выйдет... Я ему покажу! Он по гроб жизни заречется измываться над честной собакой. Я ему такое устрою... А ну, выходи, несчастный! — Песик яростно заколотил лапой по песку. Результата, естественно, не последовало.

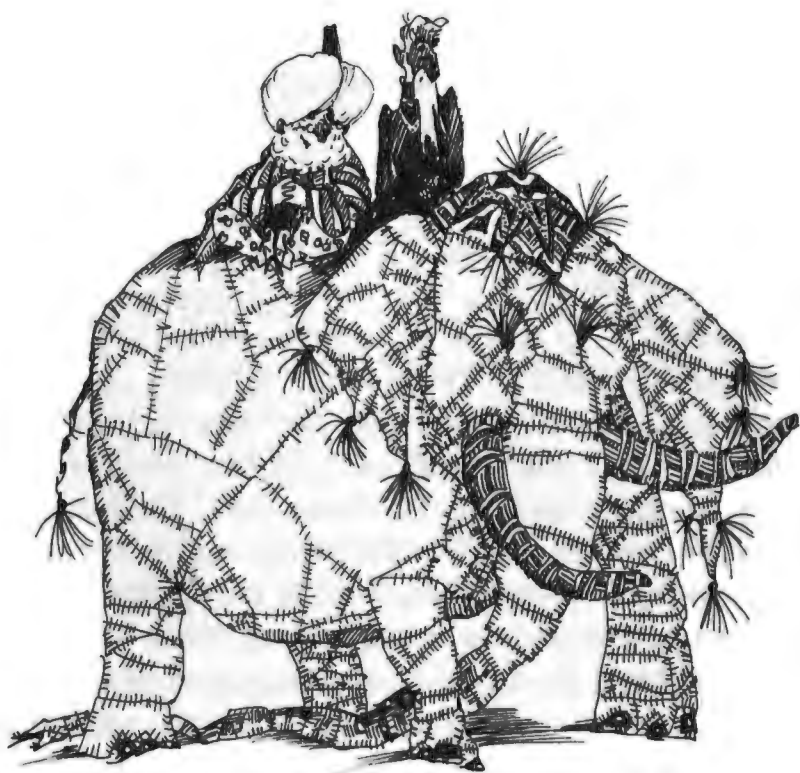
— Не надо, уважаемый,— включилась в разговор отсмеявшаяся девушка.— Его там уже нет. Он исполнил свой долг, а последним желанием вы велели ему вообще не показываться вам на глаза. Теперь он далеко.

Вилкинс хлюпнул носом и зашвырнул старую лампу подальше. Друзья присели рядом на песочке.

— Шут с ним,— наконец вздохнул пес.— Ну, не повезло, с кем не бывает. Восточные сказки предупреждали меня, что от джиннов не жди добра. Пришлось убедиться на личном опыте, так лучше запоминается...

— Тогда — в путь? — предложил Джек.

Сэм безоговорочно поднялся, предоставив на своей спине место и девушке, и другу. Когда тройца перевалила за ближайший бархан, то с удивлением увидела странного слона, идущего им навстречу. Казалось, животное было склеено из разных лоскутков пестрого восточного ковра!

Но самое удивительное, что на нем дружно восседали Лагун-Сумасброд и Байрам-Бабай.

— Где вы шлелись все это время, негодники?! — строго спросил старый волшебник.

Друзья переглянулись и пожали плечами. Однозначного ответа не было...

А в тайной комнате дворца хана ифритов две закадычные подружки скормливали огненному демону длинный стол. Всю прочую мебель он

уже слопал, но, как вы помните, обогатил девушек знаниями по управлению магическими вещами. Теперь Шелти и Гюль-Гюль выпытывали у него главный секрет хана ифритов.

— Ну что я могу вам сказать? Полное имя моего господина — Магистр черной магии хан Сакюбамбей, Повелитель джиннов, ифритов и ракшасов. Ну а на самом деле подчиненных у него раз-два и обчелся. Три-четыре ифрита, но они тупы как пробки, для серьезных дел не используются. Так, грязная работа... Джинн, так тот вообще один. Старина Лю-ля-ке-Баб. Да вы его наверняка видели. Он тут за порядком следит, ну и иногда мотается туда-сюда с поручениями. Джинн на самом деле неплохой, но робкий очень, нерешительный. Вот на нем воду и возят. Ракшасы есть, штук пятнадцать. Мелкие злобные демоны. Дай им волю, так они все здесь переломают, а что с них возьмешь? Ума нет — считай калеки! Это раньше наш хан могучим был, пока молод был да силен. А сейчас, не поверите, заклинания забывать стал! Нет, какое-то время он их вспоминал, урывками... Но представляете, что бывает, когда волшебник произносит заклинание и не доводит его до конца? Он как-то раз затребовал ванну с горячей водой, но забыл, как это производится, — в результате его окунуло в ледяную воду с мылом! Старик потом две недели кашлял, а излечиться колдовством боялся: мол, попытается извлечь из груди кашель, забудется

и ненароком вытащит всю дыхательную систему! Нет ничего опаснее недоделанной магии. Как быть? И придумал наш хан такое подспорье — заколдованный пергамент! Теперь, как ему что надо, он пальцами — щелк, и в руках появляется лист белого пергамента. Остается лишь сказать, чего тебе надобно, и на листе тут же возникает нужное заклинание. Остается лишь прочитать. Хрум, хрум, хрум!

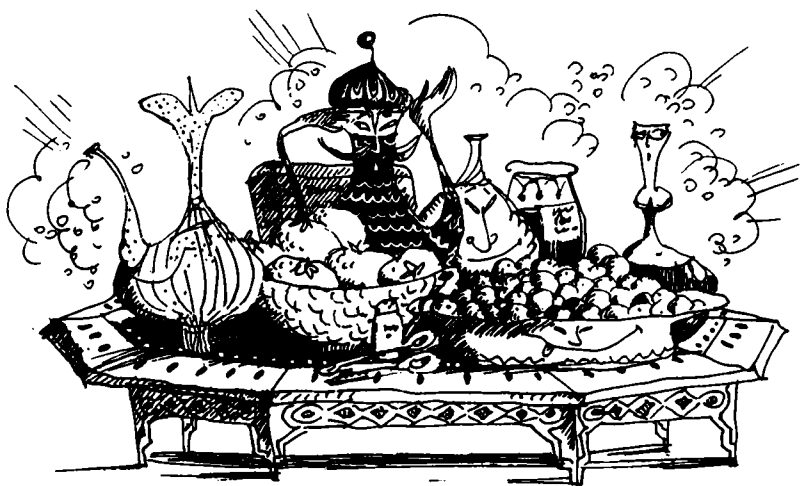
— Эй, уважаемый, где обычно хранится эта полезная штучка? — уточнила принцесса.

— А вот этого я вам не скажу, — задумчиво протянул огненный демон. — Во-первых, стол кончился. А во-вторых, честно говоря, и сам не знаю. Хозяин знал, да забыл. Но ведь ему и вспоминать не надо. Щелкнул пальцами, сказал, прочел, листок опять исчез. Эх, девочки-девчоночки! А не угостите ли меня еще чем-нибудь? Так славно разговорились, даже жаль вас отпускать...

— Это что же вы тут делаете?! — раздался сверху возмущенный голос джинна Лю-ля-ке-Баба.

Девушки вздохнули, взяли в охапку волшебные вещи и, попрощавшись с демоном, пошли по лестнице наверх. У люка их встретил рассерженный джинн:

— Почему не слушаетесь? Зачем в тайную комнату ходили? Зачем вещи брали? У, хулиганки нехорошие!

— Накрывай-ка на стол, дорогой ты наш,— подумав, решила Шелти.— Глядя на этого обжору внизу, я тоже проголодалась.

— И я,— призналась дочь султана.— Лю-ля, ты есть хочешь?

— Что? — От удивления джинн даже прекратил ругаться.

— Ну, ведь ты все носишься, работаешь, убираешь, следишь за нами, ни минуты покоя. Хватит! Садись, мы все сами накроем,— поддержала охотница.

Девушки поставили на ковер деревянный столик, и Гюль-Гюль произнесла заклинание:

— Дастархан, встречай гостей!

Маленький столик мгновенно сервировался на три персоны. Гюль-Гюль разлила вино, все трое подняли хрустальные бокалы, чокнулись.

— За знакомство! — предложила Шелти.

Подруги выпили, а джинн неожиданно... заплакал. По его морщинистым щекам текли крупные слезы, капая в вино. Девушки с чисто женским состраданием бросились жалеть несчастного. Джинн разревелся еще пуще, сбивчиво пытаясь что-то объяснить:

— Никогда... за всю службу... Ни разу за все триста лет! Ему это... это и в голову не приходило-о-о-о... А я ведь... я тоже... У меня же душа есть! И сердце... я же не каменный... Ишачу тут... с утра до ночи... Хотя бы кто спасибо сказал! Мне что надо? Мне... много не надо... «Спасибо, Лю-ля-ке-Баб-джан!» — и все...

— Ну, не убивайся ты так,— утешали девушки.— Вот, выпей, закуси инжиром и полегчает.

— Вы... меня за стол сажаете... Поите, кормите, не брезгуете старым джинном... А он? Я ему столько лет... служу... Лучшие годы! Ни разу... стакан воды... ни разу не предложил... Уйду я от него! Клянусь шайтаном, все брошу и уйду. Не хочу... не могу так больше жить. Еще налей, уважаемая. Спасибо...— Джинн выхватил у Шелти весь кувшин и мигом его опорожнил. На дастархане тут же появился другой.

— Подруга, как бы его не развезло от такого количества,— шепотом просигналила Гюль-Гюль.

— Но он джинн. Разве джинны пьянеют? — удивилась дочь рыцаря.

— О Аллах, откуда я знаю?! Но ты только взгляни на него, он за вторым потянулся. Смотри, смотри... он же — пьян!

— О... пр...кр...сные пэри моей ду-ши! — Икнув, Лю-ля-ке-Баб оглядел подружек самым любящим взглядом. — Вы оби... обе... обеи... просто преле-с-ть! Да я для вас... Ик! Что только захотите... Ик! Пусть он тока... это... того... в смысле... то есть... образно говоря... Пусть тока поп-ро-бу-ет... вас пр... вр... тить! В баш-ма-ки... Да я... ик! Его сам... пр... вр... шу — в валенок сибирский!

— Лю-ля-ке-Баб, шел бы ты спать, — ласково попросила Шелти. — Завтра встанешь, мы тебя опохмелим, а сейчас баиньки.

— Как будет... уг...годно, моей зо-ло-то-во-ло-сой госпоже! Сюшию... и того... этого... по...в...нуюс-ся!

Джинн с третьей попытки хлопнул-таки в ладоши и исчез. Девушки в одиночестве довершили ужин.

— Пойдем ко мне, — предложила принцесса. — Надо еще вещи разобрать и определиться с планами на завтра. Интересно, а где шляется наш престарелый жених?

— Понятия не имею, но чем дольше его не будет, тем лучше. Главное, что мы завербовали в свои ряды серьезного союзника.

— Не забудь, как говорил о нем огненный демон: Лю-ля-ке-Баб робок и нерешителен.

— Но у него добрая душа и... он наш друг!

К вечеру Лагун-Сумасброд объявил привал. Восточный волшебник, помудрив над костром, сотворил котел, полный ароматного плова. После ужина оба старика нижайше попросили Мейхани-джан заняться починкой ковра-самолета. Девушка согласилась, тряпичный слон был тут же возвращен в прежнее лоскутковое состояние, а пока волшебники под руководством Мейхани раскладывали на песке сложный узор персидского ковра, Сэм вновь принялся донимать засыпающего Джека:

— Плохо мне...

— Я тебе говорил, не налегай на плов, он очень жирный.

— Да при чем здесь плов?! У меня душа болит!

— А... это, конечно, серьезнее,— сонно пробормотал Сумасшедший король, поворачиваясь на другой бок.

— Понимаешь, какое дело... Запутался я,— продолжал тихо жаловаться белокурый пес.— Шелти твою мы, разумеется, спасем, и принцессу тоже. Меня вот что беспокоит: куда мы потом Мейхани денем? Заботит меня ее судьба, и все тут! Может, ей место при султанском дворце выхлопотать? Но ведь она простолюдинка, ее выше посудомойки ни за что не поставят. Может, ей денег дать? Лагун из султана крупную сумму вытрясет, они за спасение дочери договаривались. Хотя... она гордая, может и не взять. И потом, я... я к ней привык! Она уйдет, а мне может стать скучно.

Помнишь, как она поцеловала меня в нос, там, у оазиса? Что делать, ума не приложу... Ведь если я спасу принцессу, она непременно потребует, чтобы я на ней женился! Спору нет, Гюль-Гюль очень красивая девушка, и приданое, и положение, но... Что же ты спишь, когда мне так плохо?!

— Ахм... хр...хр-р-р...— просыпаясь, ответил Джек.

— Все ясно,— скорбно покачал головой Вилкинс.— И этот человек называет себя моим другом. Ах, в мире нет совершенства!

Убедившись, что последнее слово осталось за ним, песик повалился на бок и, сладко потянувшись, уснул рядышком, грея пушистой спиной Сумасшедшего короля. Престарелые волшебники закончили свою сложную мозаику, наколдовали для работы нитки, новые иголки и магические лампы, дающие хороший свет на всю ночь. Впрочем, сама Мейхани была уверена, что справится с заданием за несколько часов. Все давно спали, когда она, спустя уже часа четыре, делала последние стежки. Работа оказалась не столь легкой, к тому же, забыв попросить наперсток, девушка исколола себе все пальцы. Но все-таки летающий ковер был починен. Загасив лампы, она осторожно подошла к заколдованной веревке, которой Лагун вновь опоясал место стоянки, и, произнеся нужное заклинание, вошла в круг. Через минуту веревка заиграла синими искорками — магическая защита была вос-

становлена. Мейхани прилегла было спать, но непонятное чувство тревоги охватило ее. Она уговаривала себя, что никто не сможет безнаказанно переступить охранный барьер, и все равно не могла уснуть. На мгновение ей даже показалось, будто при слабом свете догорающего костра она видит маленьких странных существ, выстроившихся вдоль охранной веревки. Она встала и подошла посмотреть поближе, но никого не обнаружила. Девушка вернулась на прежнее место, легла и... явственно услышала скрип песка. Словно кто-то рыл нору, продвигаясь под землей к их лагерю. Мейхани вскочила в тот самый момент, когда первый ракшас уже выбирался на поверхность. Это был маленький мускулистый демон ростом не больше ладони, очень похожий на уродливую обезьянку с драконьим хвостом, острыми зубками и перепончатыми крыльями. Обомлевшая от страха Мейхани круглыми глазами наблюдала, как больше десятка злобных тварей повылазило из песка, миновав таким образом охрану Лагуна. И лишь когда один нацелился в горло Сумасшедшего короля, Мейхани неожиданно для самой себя выбросила вперед руку с зажатой в пальцах иглой. Демон взвыл и... рассыпался пеплом! Девушка завизжала так, что спящие путники буквально подпрыгнули на месте. Джек первым понял, что происходит. Серебряный меч со свистом рассек воздух, зацепив при этом не меньше трех взлетевших тварей. Ма-

ленькие демоны вились вокруг, атакуя людей, стараясь укусить, оцарапать, вцепиться в волосы. Мейхани тыкала во все стороны иголкой, отважно зажмуривая глаза. Лагун сбивал врагов точными электрическими разрядами, срывавшимися у него с кончиков пальцев. Байрам-Бабай сотворил сачок для ловли бабочек и успешно накрывал им очередного демона. Прошло не менее получаса яростной схватки, прежде чем все исчадия ада были перебиты.

— Мейхани, девочка моя,— едва отдышавшись, поклонился Лагун-Сумасброд,— на этот раз мы обязаны тебе жизнью. Я бы сроду не предположил, что кому-то может прийти в голову просто проползти под магической веревкой.

— Мы все у вас в долгу, уважаемая Мейханиджан,— поддержал восточный маг.— Будьте уверены, мы никогда не забудем такой услуги. Аллах

не оставит вас без награды, и мы сделаем все, чтобы не остаться неблагодарными.

— Мейхани...— начал было Сумасшедший король, но девушка остановила его:

— Не надо, пожалуйста. Не стоит меня благодарить. Вы мои друзья. Я вас всех очень люблю, а разве между друзьями могут быть какие-нибудь счета?

Вместо ответа Джек встал на одно колено и поцеловал ей руку. Умиленные волшебники еще раз поклонились.

— Хрр-р-р-а-ам-м-м...

Все разом обернулись. У костерка, никем не потревоженная, мирно храпела огромная белая болонка. По морде Сэма было разлито самое блаженное выражение, наверно, ему снился хороший сон. Он скромно продрых весь бой. Лагун-Сумасброд сдвинул брови и потянулся за посохом.

— Не надо, мой мудрый друг,— остановил его старый Байрам.— Скоро рассвет. Пусть хоть кому-то сегодняшняя ночь покажется доброй и сладкой. А на завтрак я угощу вас пахлавой...

Ранним утром, после роскошного завтрака, устроенного восточным магом, Лагун-Сумасброд открыл короткое совещание:

— Друзья мои, как всем известно, сегодняшней ночью на нас было совершено коварное нападение...

— Мне не известно! — тут же встрял пес. — Кто напал? Когда? С какой целью? Почему меня не разбудили? Вот вечно так, стоит завести речь о том, чтобы хоть чуть-чуть поделиться боевой славой — фигу! Все будут драться втихомолку и ни за что не позовут поразвлечься бедную, одинокую собаку!

— Все сказал? — нахмурился колдун. — Тогда сядь и помолчи. Итак, продолжая начатую тему, я хочу пояснить, что данная атака является не чем иным, как реакцией на продолжение нашего похода. Судя по всему, мы находимся довольно близко от искомого дворца хана ифритов. Я хотел бы предоставить слово моему уважаемому коллеге, магу, уроженцу здешних мест и крупному специалисту Востока — уважаемому Байрам-Бабаю.

— Большое спасибо, Лагун-джан, за такие теплые слова, — поклонился волшебник. — Для начала я немного расскажу о самом хане. Конечно, он не безымянный. Его имя — Саюмбамбей. Но, в отличие от северных магических традиций, мы не можем его заколдовать, используя знание его истинного имени. Увы, увy... У каждого волшебства свои законы. С другой стороны, мне известно, что он уже очень стар. Ему более трехсот лет. Как сами понимаете, в таком возрасте очень трудно сохранять ясность ума и твердость памяти. А тут еще в его седую башку ударила мысль завести себе гарем... Пока был молод, обходился и так, но плешь на голову — шайтан в ребро!

Думаю, молодые жены окончательно свели его с ума. Раньше, лет двести назад, его воле повиновались все ифриты, джинны, ракшасы и тысяча других демонов. Теперь Саюмбамбей растерял былое влияние, но нельзя недооценивать врага: он и сейчас способен сделать из всех нас шашлык и скушать, заедая лепешками.

— Позвольте вопрос,— поднял руку Джек.— А что за странные звери напали на нас этой ночью?

— Это ракшасы. Мелкие демоны, но злы до невозможности и очень коварны. Умирают от прикосновения холодного железа, просто рассыпаясь в прах.

— Можно я тоже спрошу? — поднялась Мейхани.— Далеко ли нам еще идти до этого страшного дворца?

— Не очень,— улыбнулся Байрам.— А дворец совсем не страшный, даже наоборот — очень красивый. Вам понравится. Если все пойдет спокойно, то мы придем к нему уже завтра.

— Значит, мы всего в одном дне пути от местонахождения леди Шелти и дочери султана. Но теперь на нас будут брошены все войска выжившего из ума хана ифритов. Так каковы же наши шансы, Лагун?

— Пятьдесят на пятьдесят,— гордо ответил волшебник.— Это очень хорошие ставки. Обычно мы начинаем игру — девяносто семь против трех. К сожалению, Джек, твои предположения о мнимой силе врага не подтвердились. Старик

еще очень силен. В любом случае принимай командование, мой мальчик... Совещание закончено. Благодарю всех за внимание, господа.

Еще какое-то время ушло на восстановление ковра-самолета, что и было проделано объединенным заклинанием престарелых чародеев. Затем Мейхани вскарабкалась на Сэма, а Сумасшедший король встал вперед, возглавляя экспедицию.

На этот раз неугомонный пес оставил в покое Джека и пристал с расспросами к собственной наезднице:

— Мейхани, вот скажи честно, ты собак любишь?

— Да, особенно в корейской кухне,— съязвила девушка.

— Слышал, слышал...— попытался продемонстрировать свою образованность Вилкинс.— Что-то связанное с дрессировкой, да? Они там вертел вертят.

— Пожалуй, нет. Скорее их там вертят на вертеле!

— Убийцы! — мгновенно помрачнел ученик чародея.— Варвары! Дикари! Вандалы! И ты тоже с ними?

— Увы... Здесь, на Востоке, угощают кулинарными изысками всех стран мира. К тому же бедной девушке не приходится выбирать. Будешь привередничать — останешься голодной!

— Но все же я не могу поверить,— продолжал сокрушаться ошарашенный Вилкинс, не подозревая, что его всего лишь разыгрывают,— ты же... ты — такая милая, умная, красивая...

— Продолжай, продолжай,— заинтересовалась девушка.

— Такая храбрая, тактичная, скромная, умелая...

— А еще?

— Добрая, веселая, улыбчивая, талантливая...

— И все?

— Ласковая, работающая, обаятельная, честная...

— Ты меня убедил,— серьезно заключила Мейхани, едва не лопааясь от распирающего ее смеха.— С сегодняшнего дня я никогда, ни за что, ни под каким соусом не буду есть маленьких болонок!

— Правда? — просиял Сэм.

— Клянусь Аллахом!

А тем временем маленький караван продвигался по пустыне. Палило белое восточное солнце, по раскаленному песку проносились серые вараны, бесшумно скользили змеи, да кое-где попадались чахлые кустики верблюжьей колючки. Однако через пару часов исчезло даже то не-многое, на чем можно было остановить взгляд.

— Что-то подозрительно тихо вокруг, вы не находите? — обратился старый колдун к своему седобородому коллеге.

— Вы как всегда правы, уважаемый, — поклонился тот. — В пустыне мало звуков. Днем она выжжена солнцем и лишь ночью оживает во всей красе. Но сейчас я не слышу даже шелеста песка. Ветер перестал дуть. Кажется, будто само солнце испуганно замерло в небе.

— Интуитивное предчувствие опасности обычно остро ощущается дикими животными. Человеком это умение утеряно. Но взгляните на нашего Сэма, он шумен и беззаботен, как всегда.

— Увы, уважаемый, ваш пес всего лишь заколдованный человек.

— Это справедливо, коллега, — важно кивнул Лагун. — Так как же по-вашему, какая именно опасность может нам угрожать среди бела дня?

И тут в десяти шагах от путешественников за- клубился пыльный вихрь. Он становился все

больше и больше, а в его середине начинала проступать массивная черная фигура.

— Карсак! Черный Пес пустыни! — ахнул Байрам-Бабай.

— Карсак? Что это значит? — переспросил колдун.

— Сейчас узнаете, достопочтеннейший. На всякий случай нам лучше проститься. Я не слышал, чтобы после встречи с Черным Псом оставались живые свидетели...

Песчаный вихрь прекратился так же внезапно, как и начался. На его месте высился исполинский зверь. Черный как ночь, с гладкой лоснящейся шерстью, он был похож на собаку, волка и лису одновременно. Его рост втрое превышал самого крупного слона, глаза без зрачков светились синим пламенем, а зубы напоминали мечи. Он встал поперек пути, словно неумолимый символ смерти.

Байрам-Бабай тяжело вздохнул и опустил ковер на песок.

— Многоуважаемые друзья, мы погибли. От Карсака нет спасения. Он сам — черное дыхание пустыни! Его нельзя убить, он всемогущ. Нам остается только молиться.

— Это что же, опять хан ифритов угрожал? — недовольно заворчал Вилкинс. — Науськал на нас такого кобеля, а сам и носу не кажет. Ну, попа-

дется он мне... Я его всего один разок тяпну, но за такое место — век помнить будет!

— Хан здесь ни при чем,— отмахнулся Байрам.— Черный Пес не подчиняется никому. Я же сказал — молитесь...

Огромный зверь внимательно осмотрел путников и громоподобно захохотал! От его смеха у Мейхани закружилась голова, и Джек едва успел подхватить теряющую сознание девушку. Лагун мгновенно оценил невероятную магическую мощь противника, прекрасно понимая, что даже объединенными усилиями оба волшебника способны причинить ему не больше вреда, чем перо, упавшее на хвост. Но Сэм-то этого не знал! Ссавив Мейхани, он крикнул:

— Эй ты, недомытый! Нечего строить из себя крутого. А ну-ка, отойдем в сторонку и поговорим один на один, как собака с собакой.

Черный Пес повернул ужасную голову и пристально вглядывался в храбрую болонку. Потом неожиданно фыркнул и... пошел за учеником чародея. Байрам лишь поправил чалму, вновь съевшую набекрень, а Лагун попытался было остановить безрассудного героя:

— Мальчик мой, не надо! Вернись! Уж если умирать, то...

— Ради всего святого, помолчи, уважаемый! — тут же перебил его восточный маг.— Этот пес — наша последняя надежда. Бежим отсюда. В Карсаке проснулось любопытство, мы можем успеть...

— Без Сэма я никуда не пойду! — уперся Сумасшедший король.

— О Аллах, ну почему юноши так неразумны?! Ты не спасешь его, если останешься, но поможешь своей невесте, если уйдешь. Твой друг позаботится о себе сам и найдет нас по следам.

— Пусть я погибну с ним, но я его не брошу!

— Идите отсюда! — закричал песик, оборачиваясь назад. — Не ждите меня. Я сам вас догоню! Джек, не дури, уводи всех! Я верну-у-у-сь...

Скрепя сердце Сумасшедший король взял за руку пришедшую в себя девушку и двинулся вперед. Все старались побыстрее уйти от страшного места.

А неугомонный Вилкинс, заведя Карсака за ближайший бархан, спокойненько сел на песок, храня гробовое молчание. Черный Пес сел рядом, тоже не говоря ни слова. Карсак не выдержал первым, через полчаса любопытство на его морде сменилось раздражением.

— Зачем ты увел меня? — Его голос был подобен шуму камнепада.

— Поговорить, — быстро откликнулся пес.

— О чем?

— О любви.

— Любовь... — задумчиво протянул Черный Пес. — Я — Разрушитель! Сеющий Смерть! Выносящий приговор! Зачем мне любовь? В моей памяти — мудрость тысячелетий!

— Ага,— обрадовался Сэм.— Тебя-то мне и надо! С Джеком обо всем не поговоришь, он, видите ли, весь из себя благородный. Мейхани только издевается, а притворялась, что влюблена. Ну, раз ты такой умный, то растолкуй-ка мне вот что...

Спустя еще час Черный Пес с некоторым удивлением понял, что он ничего не смыслит в сложном переплетении взаимоотношений белой болонки с обычной девушкой, дочерью султана и еще какой-то Шелти, вечно купающейся в ручье. Дальше — больше... Почему луноликая Гюль-Гюль отказалась идти в баню с неким Вилкинсом, который и есть ученик чародея, к тому же внебрачный сын марокканского султана и, кроме того, еще и белая болонка? Причем та самая, которая и ведет речь. Почему неблагодарная Мейхани вместо сотни поцелуев один раз чмокнула его в нос, а потом весь день угрожала приготовить из него бешбармак на вертеле в строгом соответствии с рецептами корейской кухни? Почему Аллах терпит на земле корейцев, если они допускают подобное безобразие и даже учат этому варварству Мейхани? И уж конечно вся «мудрость тысячелетий» была бессильна разъяснить, почему Шелти больше никогда не берет его с собой купаться, хотя именно болонку можно с успехом использовать как удобную мочалку? Карсак почувствовал, что теряет нить разговора. У исполинского зверя ум заходил за разум, а Сэма

уже невозможно было остановить! Впервые в жизни он напал на внимательного и молчаливого слушателя, готового часами вникать в личные проблемы пушистого пса.

— Послушай,— наконец успел вставить слово страшный Карсак,— я ведь уже говорил, что моя судьба — это уничтожение всего живого и неживого. Мой разум холоден, сердца нет вообще, души тоже. Мне непонятны слова: сострадание, жалость, доброта, нежность, любовь...

— Не волнуйся, сядь — я все объясню. Значит, так... Сострадание? Ну, это для женщин, и нам, кобелям, без надобности. Пропускаем. Жалость? Это когда ты стащил колбасу, а она в лужу упала. И взять неприятно, и бросить жалко. Доброта? Всем помогать, старушек через улицу переводить, яблоком делиться, и все такое прочее... Воскресная школа, второй класс, скукотень страшная... Нежность? Это к телятам в отдел крупного рогатого скота. А вот любовь... О, что такое любовь? Это, собака ты страшная, словами не объяснишь. Ну да я попробую...

— Н-не надо,— попытался вклиниться Черный Пес, но было поздно.

К вечеру у осоловелого Карсака светился только левый глаз, правый урывками вспыхивал обреченно синим светом. Зверь уже не сидел, а лежал, накрыв голову лапами. Бедняга все еще пытался сообразить своим аналитическим умом: почему у султана две дочери и обе Гюли? Каким

местом Мейхани надо сесть на Сэма, чтоб ей было мягко, а ему удобно? Когда же наконец эта мытая-перемытая Шелти вместе с папой-рыцарем вылезет из ручья? И самое главное — как в связи со всем этим безобразием должна вести себя приличная болонка, намеревающаяся связать себя законным браком со всеми сразу по закону шариата в христианской церкви у отца Доминика?!

— Ты не перенапрягайся,— советовал песик.— Ты не спеши. Обдумай все как следует, прикинь так и эдак. Знаешь, а лучше напиши мне. Солидно и подробно, разборчивым почерком, печатными буквами. Можно по-арабски. Посылай прямо в Кэфри, на адрес султана, мне передадут. Я буду тебе очень благодарен. Пока.

Черный Пес пустыни тупым взглядом проводил за бархан белую болонку. Говорят, с тех пор он исчез. Вроде бы сидит в своей подземной пещере и пишет книгу мудрых советов. Временами на него нисходит прозрение, он спрашивает сам себя: «А на фига мне это надо?!» — потом вспоминает Сэма и безропотно берется за перо...

Но представьте себе удивление Вилкинса, когда, перевалив за бархан, он увидел ожидающего его Джека!

— Я отвел их подальше и вернулся за тобой,— смущенно объяснил Сумасшедший король.

— Зачем? — не понял пес. — Я же велел уходить. Что ты думаешь, взрослая собака не нашла бы дороги домой? Для меня, знаешь ли, семь верст — не крюк!

— Байрам-Бабай всю дорогу рассказывал разные ужасы, творимые Карсаком со своими жертвами. Я проводил всех до колодца и пошел за тобой. Байрам упрашивал, ругался, взывал к Лагуну и Мейхани... В общем, пошли, мы тебя ждем.

— Пошли.

По дороге Сэм неожиданно остановил друга и спросил:

— А что бы ты делал, если б этот зверь убил меня?

— Дрался.

— Но он бы убил тебя тоже, это ясно как божий день!

— Ну и что? Зачем мне жить, если моя жизнь куплена твоей смертью? — пожал плечами Джек.

Белая болонка лизнула ему руку, и оставшуюся часть пути они шли молча. В лагере у колодца появление друзей встретили криками радости и вздохами облегчения. Зареванная Мейхани бросилась на шею Вилкинсу и, все еще плача, запричитала:

— Живой... родной мой, милый, любимый! А он... он говорил, что Черный Пес не всегда оставляет даже кости... а ты... Ты — живой!

— О несравненная белая болонка! О светоч мудрости и удачи! Поведай мне, недостойному

скептику, как ты исхитрился избежать страшных клыков ужасного Карсака? Есть, есть Аллах на небесах! Воистину, неисповедимы пути его!

— Молодой человек, сейчас же прекратите обнимать девушку и подойдите сюда. Я хочу, чтоб ты, остолоп, популярно объяснил всем, что ты навешал на уши той черной собаке, с которой ушел за бархан.

— Ха, этому вислоухому кобелине? Стану я с ним разговоры разговаривать! Он на меня как наехал, как наехал... В морду кулачишком тычет, но я видал таких — в гробу по тыще! Он мне — по уху, я ему — в глаз! Он мне — в бок, я ему — в нос! Он боксом, а я греко-римской борьбой. Он — подножку, а я прямо в лоб с переката кувырком в левостороннюю стойку экзотического стиля для непосвященных «Черный Лотос ждет рассвета». Он перешел на грязные штучки, а я...

— Сэм!!! — в один голос взвыли все.

— Ну, ладно... — присмирел пес. — Ничего такого не было. Поговорили.

— О чем?

— О жизни, о любви, о женщинах. Этот ваш Карсак, между прочим, очень неглупый мужчина. Много знает, прожил долгую и интересную жизнь, насыщенную разными там разрушениями, катаклизмами. Умны-ы-й... Поэтому говорит мало. За всю беседу только пару раз рот и открыл. Так что говорить в основном пришлось мне. Но как он умеет слушать!.. Вот вам бы так!

— Значит, ты его просто до смерти уболтал, — заключил Лагун-Сумасброд.

— Я не был навязчив, ему было со мной очень интересно, — тут же поправился Вилкинс. — Он даже пообещал ответить на все мои вопросы в письменном виде и отправить во дворец к султану, где я и намереваюсь прописаться в самое ближайшее время.

— Как бы то ни было, он нас спас! — вступился за друга Джек.

— С этим никто не спорит, — признал колдун. — Весьма сожалею, уважаемый Байрам-Бабай, но, как видите, метод моего ученика вряд ли можно считать панацеей. Не уверен, что где-нибудь на свете обретается второй такой несусветный болтун, способный повторить подвиг Сэма...

После короткого ужина старый Байрам объявил друзьям, что уже завтра к обеду они увидят заколдованный оазис хана ифритов.

— Почему «заколдованный»? — поинтересовалась Мейхани.

— Видите ли, обычно любой маг, имеющий дело с нечистой силой, просто обязан обезопасить себя и свой дом. Это элементарные требования по технике безопасности в любом виде магии. Ибо если маг неверно произнесет заклинание или оставит лазейку для нечистого духа, то силы Зла обязательно воспользуются этим и нападут на того, кто ими помыкает. Поэтому предусмотрительный хан Саюмбамбей давно закол-

довал свой дворец и оазис. Внутрь не может пройти ни один ифрит или ракшас. Там управляется какой-то одомашненный джинн с кулинарным именем.

— А какие сложности с оазисом?

— О, он просто прекрасен! Там растут сказочные цветы, на деревьях поют райские птицы, по дорожкам гуляют олени и тигры. Но стоит человеку переступить границы оазиса, как все звери кидаются на несчастного и съедают живьем.

— Просто жуть! — посопев, решил пес. — Джек, я настоятельно не рекомендую тебе туда соваться. Как я потом объясню твоей строгой Шелти, что не уберег тебя от необдуманного поступка? Конечно, от смерти еще одного сумасшедшего монарха мир ничего не потеряет, но что делать, если именно этот псих мне так дорог?..

— Ты научился мыслить логически, ученик! — тепло похвалил болонку Лагун-Сумасброд. — Конечно, мы с коллегой легко могли бы превратить вас в животных. Если я правильно понял, то звери живут там в полной райской гармонии?

— Истинно так, уважаемый! — просиял Байрам-Бабай. — Но стоит ли превращать в неизвестно кого благородного короля и неопытную девушку? Мне кажется, у нас уже есть герой, неоднократно доказывавший, что он может просто творить чудеса, справляясь с самыми сложными задачами. Его тоже не тронут.

— Интересная мысль, — призадумались все.

Сэм было открыл пасть, чтобы повозмущаться, а потом прикинул и передумал. Идея попасть во дворец в одиночку, лично спасти дочь султана, широким жестом вернуть другу похищенную невесту и сотворить невероятные подвиги на глазах у изумленной Мейхани казалась слишком заманчивой...

— Уговорили! — важно кивнул он. — А сейчас мне надо выспаться. Перед диверсионной работой голова должна быть холодной, сердце горячим, а лапы чистыми. Всем спокойной ночи...

Ранним утром спящих девушек разбудил воодушевленный джинн. От вчерашнего перебора не было видно и следа, даже перегаром не пахло. Напротив, Лю-ля-ке-Баб казался бодреньким и свежим:

— Вставайте, солнцеподобные повелительницы моего сердца!

— Нет у тебя сердца... будить людей в такую рань! — буркнула принцесса, переворачиваясь на другой бок.

— Спешу напомнить, ваш господин прибывает завтра!

Обе «повелительницы» вскочили одновременно. Они столько провозились с разбором вещей, что Шелти уже не пошла ночевать к себе, а осталась у подруги. Благо ширина кровати позволяла

уложить рядом всех наших героев, включая здоровенную болонку.

— Как это «завтра»? — хмурым со сна голосом заворчала принцесса. — Мы тут только-только начали наводить свои порядки, а он, нате вам, — едет!

— Увы, госпожа, я вас предупреждал...

— А может, он задержится? — с надеждой спросила Шелти.

— Нет, хозяин прислал весточку с ракшасом.

— Ну, так отправь ему ответную о том, чтобы погулял где-нибудь еще с недельку! — приказала Гюль-Гюль.

— Как можно, госпожа?! Вы хотите, чтобы я передал хану: «Не приезжайте, здесь еще не все переломано?!»

— А мы думали, ты нам друг.

— Конечно, друг, но не до такой же степени! — Джинн раздраженно развернулся и пошел по своим делам.

Две подруженьки, как две нашкодившие школьницы, какое-то время сидели как мышки. Хан ифритов приезжает завтра. Ему достаточно щелкнуть пальцами, чтобы нужное заклинание оказалось у него в руках. Что могли противопоставить этому две милые девушки, по уши нагруженные магическими вещами, но совершенно не сведущие в магии?!

— Давай позавтракаем? — предложила принцесса. — А то на голодный желудок я плохо сообщаяю. Дастархан, встречай гостей! Уй-юй-юй!..

Манты с курицей, сладкий плов с изюмом, бастурма, орехи в меду, нуга и соленые фисташки! Прошу откусать, Шелти-джан.

— Почему бы и нет? — кивнула дочь рыцаря и бодро приступила к ароматному плову.

За хорошей едой беседа действительно пошла веселее. К десерту было принято обоюдное решение — защищаться!

— И не всякими там женскими штучками — никаких слез, фальшивых обмороков, обещаний развестись и уйти к маме — мы будем сражаться!

— Клянусь бородой пророка Мухаммеда, ты настоящая Фурия Битв! — восторженно внимала словам подруги черноглазая дочь султана. — Твои глаза сияют пламенем, руки жаждут оружия, а душа — вечного боя. Если бы у меня была армия, я бы не искала лучшего полководца! Приказывай! Я опояшу себя мечом и пойду за тобой, чтобы наступить на хвост хоть самому шайтану!

— Им займешься попозже, — опустилась с небес охотница. — Сейчас самая нудная заноза — это хан ифритов Саюмбамбей. Я хочу превратить дворец в настоящий бастион. Пусть только противный старикан сюда сунется!

— А как мы это сделаем?

— У нас есть куча волшебных вещей...

— И соглядатай, который будет вечно мешать, ныть, лезть с советами. С джинном-то что делать?

— Мы его привлечем к делу, — хитро сощурилась Шелти.

— Очень интересно. Ты думаешь его уговорить построить крепостную стену, забить ворота, установить катапульты, растопить в котлах смолу и сказать решительное «нет!» подошедшему хозяину? — съехидничала принцесса.

— Я этого не сумею. Для столь изощренной лжи у меня просто не хватит опыта и актерского дарования. Это сделаешь ты!

— Я?!

— Именно ты! Ну что тебе стоит провернуть еще одну дворцовую интригу и немножко околпачить простодушного Лю-ля-ке-Баба?

Гюль-Гюль покачала головой, улыбнулась и потянулась за кишмишем, но Шелти уже знала, что она согласна.

— А я в это время попытаюсь раздобыть настоящее оружие и покумекать — какой наибольший вред хану мы можем причинить нашей безвредной магией?

Церемонно чмокнув друг друга в щечку, разрушительницы спокойствия отправились каждая по своим делам. Дочь рыцаря раздобыла лист бумаги, перо и чернильницу, для начала решив составить подробную опись всего, что они утащили из тайной комнаты. Список получился внушительным:

- а) ковер-самолет;*
- б) чудесный дастархан;*
- в) меч Секир-Башка-Карачун;*
- г) шапка-невидимка;*

д) сапоги-скороходы;
е) посох для нахождения кладов:

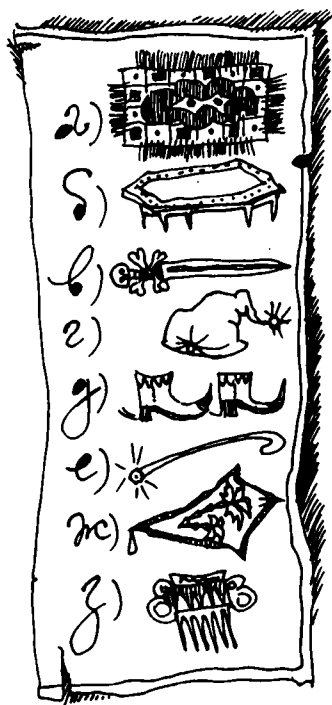
ж) платок, ищущий в пустыне воду;

з) гребешок для переделки вшей в жемчужины.

Были еще какие-то книги, но их девушки не взяли, справедливо полагая, что на чернокнижии легко погореть. Оставалось придумать, какие пакости можно сотворить с подобным «джентльменским набором»?

— Посох для кладов нам сейчас ни к чему, как и волшебный меч. Ковер надо положить у раскрытого окна: если удастся снять заклятие с границ оазиса — мы на нем улетим. Вот шапку-невидимку и сапоги-скороходы лучше носить с собой, могут понадобиться в любую минуту. Платок? Можно попытаться устроить небольшой потоп. Гребешок... Ей-богу, даже не знаю, куда его приткнуть? Пусть полежит в кармане. Так, что еще?

Подумав, охотница забаррикадировала мебелью все окна, погрузив комнату в интимный полумрак. Она понимала, что не в состоянии оборонять весь дворец, поэтому рассчитывала хорошенько укрепить ту башню, где они с принцессой

устроили штаб восстания. Проникнуть к ним можно было лишь по винтовой лестнице, а ее достаточно легко держать под обстрелом. Был еще маленький смотровой балкончик, его дочь рыцаря оставила открытым и положила у дверей ковер, на случай непредвиденного бегства. Порыскав по дворцу, она пересмотрела все оружие, украшавшее стены, и подобрала себе и подруге легкие кольчужные рубашки, элегантные шлемы, круглые щиты, выбрала по две удобные сабли, перетащила все копья, рогатины и алебарды, два восточных лука и четыре колчана разноцветных стрел.

— Поможет ли все это в борьбе с волшебником? — вслух думала она. — Маловероятно. Если бы нас атаковали люди, то мы бы дали достойный отпор. Хан ифритов вряд ли будет путешествовать один, с ним наверняка есть свита, слуги и охрана. В общем, чего гадать? Когда придут, тогда и посмотрим, кого чем бить!

Луноликая принцесса в это время капала на мозги наводящему порядок джинну:

— А вот скажи, Лю-ля-ке-Баб, в твои обязанности входит защита нас от врагов?

— Вай-дод! Какие враги, откуда?! Нашего хана все так боятся, что никто не посмеет даже помыслить о том, чтобы подойти к оазису.

— В пустыне бродят разбойники, грабящие караваны, они вполне могут плениться рассказами о богатстве дворца.

— Разбойники могут,— согласился джинн.— У них мозгов мало, а жадности много. Но не бойся, луноликая, любого, кто переступит черту оазиса, разорвут звери.

— Одного или двух — да, но если врагов будет много, то твоих зверей просто расстреляют из луков.

— Увы... Тут ты права, мудрая принцесса. Чего же ты хочешь?

— Не многого,— деланно зевнула Гюль-Гюль.— Меня совсем не радует перспектива выйти за вашего Саюмбамбея, но попасть в лапы к переполненным алчностью Коршунам пустыни — еще хуже! Я подумала, что в свете последних событий тебе бы стоило немного укрепить дворец.

— Вах, вах, но ведь врагов нет!

— А вдруг есть?

— Да нет же, говорю тебе, о неверующая!

— На Аллаха надейся, а верблюда привязывай,— наставительно отметила дочь султана.— Кто готов к худшему, справится с лучшим. Осторожность не есть трусость. Предусмотрительному уступает дорогу даже ангел смерти Азраил. Нельзя ждать, пока жареный павлин клюнет тебя в...

— Довольно, ты завалила меня поговорками! — взмолился джинн.— Уверяю тебя — в обороне дворца нет необходимости. Не веришь? Сей-

час убедишься. Пойдем со мной в тайную комнату и спросим огненного демона — он знает все.

Пожав плечиками, принцесса пошла за джинном. Но, спустившись в подземелье и с ужасом оглядев то, что там осталось, бедный Лю-ля-ке-Баб забыл, зачем пришел, завопив в полный голос:

— Что вы тут натворили, несносные девчонки?!

— Ничего,— чарующе улыбнулась Гюль-Гюль.

— Ах, ничего?!! Ничего... ничего... ни-че-го!!! — затрясся джинн.— Где мебель?

— Мы скормили ее демону, а разве нам это запрещали? Ты ведь нас не предупреждал, что этого делать нельзя.

— Нет...— вынужденно признал джинн.— Но... клянусь шайтаном, разве вы сами не могли догадаться?!

— Что не запрещено, то разрешено,— парировала принцесса.

— А... а где волшебные вещи?

— Мы взяли их поиграть. На этот счет тоже не было никаких прямых указаний.

— Не было...— насупился Лю-ля-ке-Баб.

— Вот видишь. Разве хозяин говорил тебе, что нам запрещено их брать?

— Не говорил.

— Тогда чего же ты переживаешь? Если он не оставил четких правил поведения, то мы вправе развлекаться, как захотим, и ты за нас не в ответе.

— Верно... Но мне почему-то кажется...

— Забудь! — успокоила Гюль-Гюль. — Давай выясним то, ради чего ты привел меня сюда. Эй, демон, скажи — дворцу кто-нибудь угрожает?

— Еще как! — хмыкнул огненный попрошайка. — Но я не буду говорить ничего, пока не получу свою плату.

— Лю-ля-ке-Баб, сбегай за дровами.

Джинн встревоженно кивнул и умчался. Вернувшись через четверть минуты, он положил в камин три здоровенных полена. Пришлось ждать, пока огненный демон все съест.

— Вы спрашивали насчет угрозы? Так вот, да будет вам известно, что за последние три дня

погибли почти все слуги уважаемого Саюмбамбея. Ведьма Арзи-би-би съедена собственными кошками, а ее уцелевшие твари разогнаны по всей пустыне. Воины злого Хабибуллы превращены в сусликов вместе с атаманом. Три брата-шакала залечивают переломанные кости. Змей Кусан-Полозун разрублен на куски. Почти все ракшасы мертвы. Один из четырех ифритов обращен в камень и разбит на куски. Караван убийц направляется к оазису хана.

— Как же должны быть могущественны враги, чтобы уничтожить все наши силы? — ахнул пораженный джинн.

— О, перед их мощью отступил даже Карсак — Черный Пес пустыни! Их не много, но они страшны в бою. Девушка-проводник — беспощадная убийца ракшасов. Два волшебника, северный и восточный, шутя раскрошившие могучего ифрита. Непревзойденный воин, одним мечом сразивший Кусан-Полозуна. Огромный пес, белый, как облако, справившийся с тремя шакалами. Именно ему уступил дорогу беззаконный Карсак.

— Далеко ли они от нашего дворца?

— Плати! — потребовал демон.

— О, ненасытная печка! Разве ты не хочешь защитить дом своего хозяина? — сокрушенно взвыл джинн.

— Ничего не знаю, тащи бревно.

Только получив требуемое полено, огненный демон снизошел до ответа:

— Они будут здесь еще до обеда. И я по-дружески не рекомендую тебе, Лю-ля-ке-Баб, лезть в эту свару.

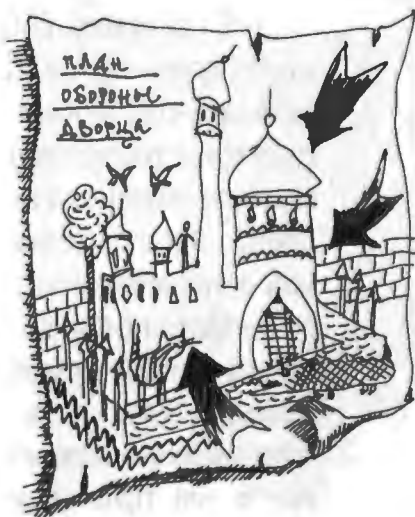
— Почему?

— Это именно тот пес... — драматическим шепотом ответил узник камина.

— Не может быть, — побледнел джинн. — Тот, который меня чуть-чуть не... опозорил?

— Он самый.

...Час спустя потерянный джинн под руководством Гюль-Гюль и леди Шелти вычерчивал на бумаге план обороны дворца. Девушки из всех сил старались сделать все, чтобы до них не могли добраться ни воины, ни маги. Лю-ля-ке-Баб внес несколько серьезных предложений относительно стратегических ловушек. Дело спорилось. Единственное, о чем забыла принцесса, так это сообщить подруге, кто именно приближается к оазису.

Сэм и Джек, лежа на бархане, вели скрытое наблюдение за дворцом хана ифритов Саюмбамбея. Они ушли в разведку на рассвете, обползли все по кругу и выбрали наиболее подходящее место для диверсионного прорыва.

— Вон там за озерцом, с левой стороны, в башне полуоткрытая дверь. Через нее черный джинн только что носил дрова. Если ты рванешь по прямой, то успеешь нырнуть до того, как тебя заметят тигры. Переплыв на ту сторону, беги в дверь, запирайся изнутри и, если все в порядке, дай мне знак из смотрового окна.

— Все ясно, ваше величество. Значит, к моменту вашей атаки я должен найти Шелти и мою нежную Гюль-Гюль, надрать уши джинну, обеспечить ваш проход, после чего все мы вместе встретим приезд хозяина вооруженным восстанием. А кстати, с чего ты взял, что его нет дома?

— Байрам-Бабай говорил, когда Саюмбамбей в замке, то на крышах поднимаются флаги.

— Точно, флагов нет,— задумчиво признал пес.— Ну что же, брат, давай обнимемся на прощанье и... Пожелай мне удачи!

Сумасшедший король похлопал друга по пушистому плечу, и Сэм пошел на дело. До границы оазиса он добрался за две минуты, попросту скатившись с бархана, как клубок. Зеленые заросли перемахнул одним прыжком. Заклятие оазиса позволяло впускать непрошенных гостей на растерзание разному зверью, а если бы Вилкинс решил повернуть назад, то при первом же шаге за территорию сгорел бы заживо. Райские птицы недовольно заворочались на ветвях, розовые фламинго повернули головы, звери отвлеклись, но никто не знал, можно ли нападать: ведь нару-

шителем оказался не человек. Пользуясь общим замешательством, ученик чародея успешно преодолевал «полосу препятствий». Сбив по пути двух полосатых кабанов, он с разбегу плюхнулся в озеро. Вот уж чего не могли знать друзья, так это наличия в воде крокодилов.

— Прочь с дороги, баклажаны зеленые, зашибу! — отчаянно верещал песик, в испуге давая по мордам двум здоровенным аллигаторам, пытавшимся его понюхать. Пока зубастые убийцы приходили в себя, он уже отряхивался на противоположном берегу.

Джек с бархана мог только удивляться той невероятной скорости, с которой его друг пересек водную преграду. Белая болонка могла бы смело претендовать на олимпийскую медаль по многоборью. Но уже на финишной прямой у него на пути встал огромный серый волк, угрожающе оскаливший зубы. Сэм, не замедляя шага, буквально внес его в дверь, а спустя минуту потрепанный волк кубарем вылетел из того самого смотрового окна.

— Знак подан. С ним все в порядке, — убедился Сумасшедший король, отправляясь с докладом в лагерь. Выслушав его рассказ, старый волшебник удовлетворенно потер руки:

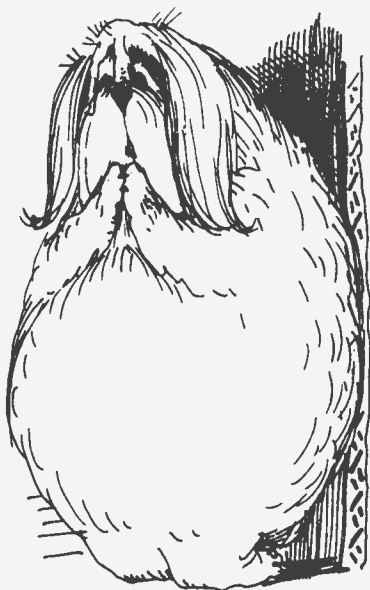
— Все идет по плану. Как только этот отчаянный женолюб отыщет девушек, он вывесит белую тряпку из окна самой высокой башни. Будем ждать...

А белый пес, отряхнув лапы после драки с волком, пошел по лестнице наверх и обнаружил комнату Шелти. Как вы уже знаете, дочь рыцаря переселилась к принцессе. Никого не найдя, ученик чародея двинулся по коридорам внутрь дворца, ища охотницу по запаху. Один раз, случайно глянув в окно, он с удивлением заметил черного джинна. Бедняга, обливаясь потом, с бешеной скоростью работал лопатой, выкапывая вокруг здания защитный ров.

— От нас, что ли, обороняются? — фыркнул пес, разгуливая по комнатам.— Так опоздали, милейшие, главный диверсант, в смысле я, уже здесь! Однако и бардачок у них тут... Такое впечатление, словно Мамай прошел. Все так переломано и раскидано, будто в доме неделю гражданская война бушует. Что ж они, из диванов и кресел баррикады строили? С Шелти, конечно, станется. Ее хлебом не корми — дай навести свои порядки. Но неужели такая луноликая, чернобровая, возвышенно-поэтическая натура, как моя несравненная Гюль-Гюль, способна учинить столь непотребный свинарник в крупногабаритной квартирке собственного мужа? Если так, то я, видимо, повременю делать ей предложение...

С такими мыслями он наконец забрел в какую-то маленькую комнатку, где и столкнулся нос к носу с предметом своего обожания. Наследница престола была обнажена до пояса,— она как раз стояла перед зеркалом и собиралась

примерить новую кольчугу. Встреча была самой бурной. Сэм клялся, что ни до этого, ни после — никогда он не был так близок к насильственной смерти... Увидев за своей спиной отражающуюся в зеркале белую болонку необычайных размеров с самым умильным выражением на счастливой морде, принцесса, завизжав, бросилась за ширму. Ученик чародея опустился на колени,

пытаясь придать своему голосу самые нежные и ласковые нотки:

— О несравненная пери Марокко! Краса моих очей! Звезда моих ночей! Приди же в объятья своего спасителя, так как долог был мой путь и истомилось сердце... Излей на меня водопад неземного блаженства! Гурия, даруй мне путь в кущи мусульманского рая! Возьми меня и прижми к своей спелой груди, ибо...

Договорить ему не удалось — не прекращая победного визга, из-за ширмы выскочила красная от ярости Гюль-Гюль в серебристой кольчуге, в круглом шлеме на голове и с острым кривым ятаганом в руках. Первый же взмах начисто сбрил шерсть на макушке остолбеневшего песика. Принцесса явно собиралась доказать наглецу, что

она происходит из рода великих покорителей Востока! Сабля в ее умелых ручках вертелась, как бешеная молния, глаза горели азартом боя, брови сошлись на переносице, а восхваляемая Вилкинсом грудь вздымалась грозно и вдохновенно.

— Опомнитесь, ваше высочество! — жалобно взвыл ученик чародея, пулей выскакивая из комнаты.

— Ах ты, шайтан бессовестный! Я тебе покажу, как за мной подсматривать, — столь же громко вопила дочь султана, перекидывая саблю в левую руку, а правой запуская в несчастного тяжелую алебарду. Удирающий Сэм едва успел прикрыть за собой дверь — кованый наконечник пробил ее насквозь в каком-то дюйме от носа благородной собаки.

— Мама дорогая! Да ведь она просто психопатка! Что делать? Эй, принцессочка, я беру свои слова о женитьбе обратно! Избави меня Аллах от такого сокровища...

Бемс-с-с! В легкую дверь влетела вторая алебарда, Вилкинс ахнул и побежал. Красная Гюль-Гюль бросилась следом. Погоня велась широко и с размахом. Ученик чародея, улепетывая, вопил, что он передумал, что он здесь случайно и это вообще не он, потому что его приняли за другого, а он на самом деле совсем не тот! Разъяренная фурия в лице принцессы, гневно рыча, требовала, чтобы бесстыжий шайтан сейчас же остановился

и дал себя убить, ибо по закону шариата такой позор дочь султана может смыть только его кровью.

— А я христианин! — на ходу выдумывая оправдания, отбредивался бедный пес, скользя на поворотах.— И внебрачным сыном марокканского султана впредь быть отказываюсь. На фи́га мне в гробу ваше приданое?!

— Ах, так ты, паршивый сын кучерявого шакала, мне еще и брат по отцу?! — окончательно взбеленилась луноликая Гюль-Гюль, и Сэм в очередной раз дал себе обещание укоротить собственный язык. На шум драки прибежала Шелти, преградив бедолаге путь двузубой рогатиной. Загнанная в угол болонка вжалась спиной в стену, молитвенно сложила лапки и тихо попросила:

— Не убивайте...

— Это... ты?! — ошарашенно выдала дочь рыцаря.

— Пока еще я. Но если ты ее не удержишь, то я стану большим белым ковриком у нее в ванной.

— Шелти-джан, пусти меня — я с этого нечестивца живого шкуру спущу!

— Боже мой... это ты, Сэм? — Охотница еще раз осмотрела со всех сторон огромную болонку.— Мне, конечно, рассказывали, но... ты ведь... как ты?.. Ой, мамочки, не могу...

Дочь рыцаря бросила рогатину и, схватившись за живот, захохотала во весь голос. Принцесса, не понимая, в чем дело, но заразившись весельем подруги, закатилась рядом. Вилкинс мрачно переводил осуждающий взгляд с одной хохотушки на другую.

— Не вижу ничего смешного.

— Кто... это? — задыхаясь, выдала дочь султана.

— Твой... потенциальный... жених! — окончательно повалилась Шелти, и обоюдный смех грянул с новой силой. Оскорбленный пес надулся окончательно:

— Ну и... как хотите! А она... она мне всю макушку выбрила, вот! Я из-за нее теперь больше на отца Доминика похож, чем на приличную собаку.

Но ответом жалобщику послужил лишь новый взрыв здорового девичьего хохота. Прошло не меньше получаса, пока страсти улеглись и Шелти, вытерев слезы, смогла говорить спокойно:

— Это Сэм Вилкинс, вун, болтун и пройдоха. Помнишь, я рассказывала тебе, как мы познакомились с ним, Джеком и Лагуном-Сумасбродом. В первый раз его превратили в хорошего сторожевого пса. А когда он сбежал на Восток, объявив себя внебрачным сыном марокканского султана, то мы втроем отправились за ним. Это он распевал тебе серенады на площади, сцепился с ифритами, в результате чего они заодно украли и меня. Как ты умудрился снова стать болонкой, да еще таких размеров?

— Поднял чего не надо,— буркнул ученик чародея,— надел на палец, высказал, что на душе накопело, и... вот он результат. И нечего ржать как ненормальные! Я вас, между прочим, спасать пришел.

— Он всегда меня спасает,— пояснила Шелти,— особенно когда не просят.

— Эй, а не ты ли тот «белый, как облако, пес», что разогнал шакалов и покусал самого великого Карсака? — вспомнила принцесса.— Мы тут с джином спускались к огненному демону, так вот он говорил, будто бы с тобой идут два колдуна, какая-то девушка и великий воин.

— Вокруг него вечно крутятся какие-то девушки. За Джека я спокойна, он меня любит и на сторону не побежит. А вот почему колдунов два? Лагун-Сумасброд раздвоился? — удивилась охотница.

— Нет, просто он нашел себе партнера для болтовни на философские темы. С нами теперь путешествует восточный маг Байрам-Бабай.

— Более-менее ясно, а теперь объясни, зачем ты здесь?

— Ну, сказано же — вас спасаю! Наши ждут за барханом. Надо отвлечь зверей и помочь им войти во дворец.

— Без проблем! — решили девушки и высунулись наружу из ближайшего окна.

Увы, весь дворец был обнесен толстой каменной стеной без малейшего намека на дверь или

ворота. В комнату вполз с докладом запыленный, но счастливый джинн:

— Я... успел... о несравненные розы... Враги не пройдут!

И Шелти, и Гюль-Гюль, и Сэм напряженно засопели, поджав губы. Лю-ля-ке-Баб блаженно улыбался, совершенно не понимая, чем могло быть вызвано недовольство его возлюбленных хозяек.

— Ров наполнен водой, колья вбиты в дно, крокодилы плавают на поверхности, стена — высотой в четыре ваших роста, толщиной в один, ни окон, ни дверей, звери загнаны в зоопарк, а по всей территории оазиса расставлены магические ловушки...— Тут до него наконец дошло, кого он видит между девушками.— О несносный белокурый шайтан! Сгинь, сгинь, рассыпся!

— Ишь, чего захотел! А вот я тебя! — Вилкинс угрожающе поднял заднюю ногу, но тут же опустил, устыдившись девушек.

— Вот что, Лю-ля-ке-Баб,— решила охотница,— во-первых, не нервничай. Вилкинс свой парень и тебя не тронет. Мы взяли его в плен, так что пусть поживет с нами до прихода хозяина. Во-вторых, ты почему ни одной двери в стене не сделал, балда? Когда хозяин придет, ему что — подкоп рыть?

— Хан ифритов и сквозь стену пройдет, зачем ему дверь? — напряженно буркнул джинн, косясь на болонку с неослабевающим подозрением.

— Мы тебя поняли,— кивнула Гюль-Гюль, обменявшись с подругой многозначительными взглядами.— А теперь пойдете-ка пообедаем. Где тут наш чудесный дастархан?

А Джек с друзьями готовился к штурму дворца Саюмбамбея. Он полировал меч, проверяя заточку режущей кромки, Лагун спорил с Байрамом по поводу атаки с летающего ковра, и лишь миленькая Мейхани сидела тихо как мышка, задумчиво вглядываясь в облака.

— Вы переживаете за Сэма? — догадался Сумасшедший король.

— Да. Он хороший, но наивный, как ребенок, и вечно попадает в серьезные передряги.

— Мы с ним давние друзья. Порой Вилкинс и вправду слишком легкомыслен, но он очень верный и надежный товарищ. Были случаи, когда он рисковал из-за меня головой, а были — когда сам подводил меня под монастырь! Но вы правы, он очень хороший. И потом... мне кажется... вы ему нравитесь.

— Ну да! — резко отвернулась девушка.— То-то он все время талдычит о своей принцессе, луноликой дочери султана, несравненной Гюль-Гюль!

— Не горячитесь,— улыбнулся Джек.— Это всё слова. Женитьба на дочери марокканского султана — его розовая мечта. Не так легко рас-

статься с иллюзиями, но, по-моему, он уже понял разницу...

— Правда?

Сумасшедший король не успел ответить. Песок пустыни встал столбом, и через мгновение над путешественниками возвышался синий ифрит!

— Как вы посмели, ничтожные черви, столь близко подойти к неприкасаемому оазису великого хана Саюмбамбея?! — загрохотал великан.

Два старика смерили его недоуменными взглядами и вновь углубились в свою беседу. Ифрит решил, что его игнорируют. Не долго думая, он поднял над волшебниками ногу, намереваясь их раздавить, но Джек уже был там и его меч одним ударом отсек гиганту большой палец. Ифрит взревел от боли и ярости! Когда Лагун-Сумасброд решил вмешаться, было уже поздно... Взбешенный великан, подняв тучу пыли, топтал все, что попадало ему под ноги. Где Мейхани, где Сумасшедший король, разобрать было невозможно. Оба мага решили вновь соединить усилия, но молния, пущенная Лагуном, не попала в цель. Ифрит, ловя Джека, присел на корточки, и заряд пропал вхолостую. За пыльной завесой едва угадывались смутные очертания самого ифрита. Тогда колдун рассердился и атаковал противника сразу серией молниеносных ударов. После первого же взрыва из тучи пыли вылетела вопящая Мейхани и рухнула прямоком на старого Байрама. Толстый аксакал неуклюже плюхнулся на

песок, опять сбив тюрбан себе на нос. Прошло немало времени, пока он встал, отряхнулся; пока девушка дрожащими руками поправила ему головной убор; пока Лагун своими молниями заставил врага выпрямиться — и тогда Байрам-Бабай отработанным заклинанием превратил его в камень. Тут-то Лагун нанес решающий удар, и с очередным ифритом было покончено. Когда пыль и песок, поднятые схваткой, немного рассеялись, друзья обнаружили Джека, закопанного в песок по самую шею!

— Это ты сам так спрятался? — поразился Лагун.

— Я бы не сказал... — буркнул Сумасшедший король.

Волшебники скоренько выкопали его обратно. По счастью, больше никто не пострадал. Мейхани отделалась перепугом и легкой глухотой на оба уха, но Байрам уверил, что это от взрыва и скоро пройдет. В некоторой нервозности, вызванной столь неожиданным нападением, все ре-

шили идти за бархан и посмотреть,— может быть, желанный сигнал уже вывешен? Каково же было их удивление, когда они увидели посреди опустевшего оазиса настоящую крепость, внутри которой, как ядро в орехе, находился изящный дворец хана ифритов!

— Пойдем посмотрим поближе,— предложил восточный маг.

На границе оазиса он остановил спутников и, внимательно осмотрев землю, произнес напевное заклинание. В ту же минуту оазис опоясала зеленая пульсирующая полоса.

— Очень мощная магия,— признал Лагун.— Что-то вроде моей магической веревки, только обратного действия. Впускает всех, не выпускает никого. Любое существо, попытавшееся выйти из круга оазиса, буквально разорвет на куски пламенем! Теоретически, если мы войдем внутрь, то можем уже и не выйти.

— Я бы мог перенести всех за стену на ковре-самолете. Больше двух он не поднимает, так что за три рейса мы бы вполне справились, но... Мой уважаемый седобородый друг абсолютно прав: ни ему, ни мне не под силу снять заклинание с границ оазиса. Без помощи хана Саюмбамбея нам отсюда не выбраться.

— Станет он нам помогать...— заметила Мейхани.— Особенно когда узнает, что мы пришли красть его невест.

— Но одна из них — моя! — возразил Сумасшедший король. — И вообще, воровать нехорошо. Мы идем на праведное дело, к тому же там застрял Сэм. Надеюсь, с ним все в порядке.

— Мы все надеемся, — важно кивнул Лагун. — А пока давайте погуляем вокруг крепости, не переступая черту.

Путешественники начали не торопясь фланировать вокруг оазиса, рассматривая крепостную стену со всех сторон, задумчиво хмыкая и строя разные планы. На самом-то деле проблема была одна — как выбраться? Они столкнулись с одним из самых неприятных для специалиста видов магии, — когда снять наложенное заклятие способен лишь тот, кто его и наложил. Значит, нужно либо ждать, пока хозяин его снимет, либо надеяться дожить до его смерти, чтобы со смертью злодея исчезли и чары. Как вы понимаете, ни у кого не было так много свободного времени. Если Саюмбамбей умудрился прожить уже триста лет, то, кто знает, не намерен ли он разменять еще сотню-другую? Так что положение было трудным. Преодолев столько бед, опасностей и лишений — в самом конце оказаться нос к носу с неразрешимой загадкой... Но внезапно в одной из башен отворилось окно и кто-то приветственно замахал черной тряпкой.

— Почему черной? — возмутился Лагун-Сумасброд. — Мы же договаривались на белую! Опять этот негодник все перепутал.

— А если это другой знак? — предположила девушка.— Если он там узнал что-то, чего мы тут не знаем, и пытается нас остановить?

Это была правда. Каких-то полчаса назад джинн заявил пленницам, что у него новые известия, хозяин отложил дела и, движимый любовью, понесся сюда на всех парах. Шелти с принцессой плюнули на пол, но делать нечего... Придется защищаться самим, оставив своих спасителей за чертой оазиса.

— Не стоит их сюда звать,— решили подружки.— Пока они на свободе, им будет легче что-нибудь для нас придумать. Мы продержимся тут.

Белый пес в это время давал указания черному джинну насчет того, кто теперь хозяин в доме. Он настолько запугал бедолагу, что любое случайное движение песьей задней лапы Лю-ля-ке-Баб воспринимал уже как начало позорной казни. О приезде хана ифритов он и думать забыл. Джинн успел вылизать лишь десяток комнат, а в прочих тридцати даже сам шайтан сломал бы себе обе ноги. Правда, Сэм предполагал лично поводить Саюмбамбея по местам наиболее эффектного кавардака в надежде, что старичка кондрашка хватит. А пока дочь рыцаря, увидев в подозрную трубу своих друзей, гуляющих вокруг оазиса, раздобыла черное покрывало и стала махать им, высунувшись из окна. Она надеялась, что Джек поймет ее сигнал и спрячется, выжидая благоприятный момент...

Но на самом деле отряд Сумасшедшего короля понял все чуть позднее. Дворец хана ифритов волшебным образом изукрасился вымпелами и флагами.

— Нам лучше спрятаться! — встревоженно заявил Байрам-Бабай. — Хан ифритов возвращается...

Друзья сыпанули за бархан, а над горизонтом уже поднималось серое облако пыли.

Вскоре показался и сам караван хана. Не меньше полусотни высоких верблюдов с колокольчиками на шее, украшенные яркими попонами и побрякушками, были нагружены полосатыми мешками. Охрана состояла всего из двух синих ифритов. Сам хан Саюмбамбей ехал чуть впереди на белом тигре-альбиносе. Бедный зверь, видимо, здорово умотался, и хан подбадривал его палочкой. Внеш-

не это был ничем не примечательный тощий, маленький старикашка с тремя волосинами козлиной бороды, узкими глазками и большим крючкообразным носом. Хозяин оазиса красовался в золоченом халате, столь длинном, что его полы мели песок, а на лысой ханской голове вместо тюрбана или чалмы возлежала обычная тюбетейка. Хан ифритов возбужденно подпрыгивал на спине тигра, поторапливая весь караван:

— Быстрее, быстрее, ленивые скоты! Моя душа истомилась в ожидании дорогих моему сердцу новых женушек! Дочь самого султана и северная красавица, так вы говорили?

— Да, наш господин,— хором ответили ифриты.

— Уй-юй-юй, как хорошо! — потирал ладошки старичок.— Сегодня же ночью они откроют мне свои лица!

— Девушка с севера никогда его и не закрывала...— виновато пожали плечами ифриты.

— Что же вы раньше молчали, болваны?! Привезли в мой дом какую-то бесстыдницу... Хотя вы ведь говорите, что она очень красива?

— Да, господин.

— Ну, ладно... Я сам осмотрю эту непотребную девицу и уж тогда решу — достойна ли она войти в мой гарем. (Джек за барханом едва не выскочил с мечом на обидчика, но трое спутников сумели его удержать.) А противный старикашка подъехал к зеленым пальмам и ахнул... Собственный дворец встречал его неприступной стеной! Диких

животных, редких птиц вообще не было видно, зато крепостная кладка поражала надежностью, а в оборонительном рве с водой плескались голодные крокодилы. От удивления хан ифритов кубарем скатился с тигра. Его узкие глазки стали просто круглыми, он рысью бросился к стене, возмущенно вопя на ходу:

— Что тут происходит? Какой шайтан все это понастроил? Где тут Лю-ля-ке-Баб, я ему голову отвинчу!

Могучие ифриты оставили караван и двинулись на помощь своему господину. Один шагнул слишком широко и, оступившись, попал ногой в ров, куда и провалился по колено. По-видимому, он здорово напоролся на подводный кол, да и крокодилы тоже не дремали... Ногу он еще успел спасти, но покусан был до чрезвычайности, а потому, воя, уселся в сторонке, страшась переступить обратно границу оазиса. Второй оказался умнее и пошел вперед маленькими шажками на цыпочках, но почти сразу же попал в здоровенный медвежий капкан. Бедолага упал, скуля от боли, и еще два капкана цапнули его за руку, а третий, самый зубастый, за задницу! Крики, вопли, стоны, проклятия заполнили воздух. Больше всех бесновался маленький хозяин, ругаясь так, что даже синие ифриты покраснели. Наконец Саюмбамбей вспомнил, кто он есть, щелкнул пальцами и в его руках появился лист пергамента:

— Хочу, чтобы появился мост!

На пергаменте тут же возникли буквы заклинания, старичок прочел их, взмахнул руками и через ров перекинулся изящный серебряный мостик с перильцами.

— Хочу дверь в стене!

И в стене открылась дверь, но пока хан ифритов стоял на мосту, следя за работой заклинания, два донельзя умных крокодила подплыли с боков и цапнули его за полы длинного халата. Каждый тянул в свою сторону, так что злобного старичка стучало то о левые, то о правые перила. Щелкнуть пальцами ему никак не удавалось, крокодилы не давали времени сосредоточиться, переполненные надеждой стащить добычу вниз, но, по счастью, халат треснул. Оба аллигатора плюхнулись на спины с ключьями златотканого одеяния в зубах. Джек и компания покатывались с хохоту за своим барханом, а Саюмбамбей наконец вбежал в дверь.

— Ну вот теперь и нам пора,— решил Лагун-Сумасброд.

— Надо обезвредить ифритов,— напомнил Байрам-Бабай.— Раненные, они становятся еще злее и способны причинить немало зла.

— А мне их жалко,— объявила Мейхани.— Они упали, им больно, да еще вредный хозяин наверняка их накажет, когда освободится.

— Не знаю, не знаю, девочка моя... Вполне возможно, что ты права. Думаю, мы со всем разберемся на месте. Первым пойдет Джек, под его

прикрытием — Мейхани, а мы с вами, коллега, полетим чуть позади на ковре. Будьте бдительны, враг не дремлет!

Таким образом друзья пересекли опасную черту и ступили на границу оазиса. Ифриты, заметив их, зарычали, но, будучи серьезно ранены, не могли быстро двигаться. Когда наши герои подошли к мосту, Лагун-Сумасброд решил рискнуть:

— Эй, калеки! Я готов вам помочь, если вы пообещаете не причинять нам вреда.

— Мы не тронем вас, господин! — не задумываясь ответили ифриты.

— Помогите мне, коллега,— попросил волшебник и, подойдя к первому, начал творить заклинание: из ступни ифрита медленно выполз застрявший в ней острый кол. Байрам-Бабай произнес волшебные слова, и все раны затянулись: искалеченная нога приняла прежний вид. Ифрит встал, сделал пару осторожных шагов и неуклюже поклонился. Волшебники взялись за второго страждущего. После их колдовства капканы разжали зубья, а раны и переломы мгновенно зажили. Второй ифрит медленно выпрямился, но не успел склониться в благодарственном поклоне...

— Лагун, на помощь!

Старики удивленно обернулись. Первый вылечившийся мерзавец доламывал мост, а Джек, закрыв собой девушку, пытался противостоять ему мечом.

— Ты же обещал! — возмущенно взревел старый волшебник.

— Мы обещали, что не тронем *вас*, господин. Они в наш договор не входили,— хрипло расхохотался ифрит, но, прежде чем Лагун-Сумасброд и Байрам-Бабай нашли что ответить, второй ифрит резво шагнул вперед.

— Подлый шакал! — зарычал он, нокаутируя своего же товарища кулаком в ухо.— Даже у ифритов есть своя честь и гордость.

Его противник поднялся, а мгновением позже два синих гиганта катались по оазису, награждая друг друга полновесными тумаками. Джек ринулся было их разнимать, но в пыли никак нельзя было разобрать, кто хороший, а кто плохой. Борьба закончилась неожиданно быстро. Один ифрит толкнул другого так сильно, что тот заступил ногой за зеленую линию охраны. Грянул взрыв! От несчастного не осталось даже пепла. Победитель вытер пот и повернулся к нашим героям.

— Я могу перенести вас через ров,— любезно предложил он,— но обещайте, что выпустите меня отсюда, когда разделаетесь с хозяином.

А во дворце было вот что: поначалу Саюм-бамбей просто обомлел, не понимая, куда он попал,— шкафы опрокинуты, посуда перебита, занавеси сорваны, мебель перевернута вверх ногами, ковры скручены, кругом разор и запустение!

Когда к бедолаге вернулся дар речи, он заорал так, что из окон посыпались цветные стекла:

— Где этот паршивый Лю-ля-ке-Баб?!

Но черный джинн, естественно, не появился, так как в данный момент лихорадочно паковал чемоданы, намереваясь тихонько смыться. Не дооравшись слугу, рассвирепевший старичок, падая и спотыкаясь, принялся разгребать завалы в комнатах, неутомимо продвигаясь к башне, где забаррикадировались девушки. Окончательно утомившись, хан вспомнил, что он все-таки колдун. Щелчок пальцами — и чистый пергамент лег к нему в руки.

— Хочу, чтобы все брошенные вещи сами уступали мне дорогу!

Таким образом, уже минут через пятнадцать он шел по коридору к башне. Увидев его через боковое окно, Шелти взяла командование на себя:

— Гюль-Гюль, посмотри, вон ковыляет этот старый сморчок! Ну, мы его встретим... Всем приготовиться к бою! Сэм, у тебя особенное задание. Мы забыли спросить у огненного демона, как отнять у хана ифритов его волшебный пергамент.

Беги вниз, найди столовую, там в полу люк, он приведет тебя в тайную комнату. Да, и захвати демону какой-нибудь стул, а то он не будет говорить.

— Слушаю и повинуюсь! — изящно поклонился пёс. — Бегу и падаю! Спешу и надрываюсь.

Когда Вилкинс, размахивая хвостом, умчался вниз, девушки заперли дверь и прижали ее тяжелой кроватью. Через несколько минут в нее заискивающе постучали:

— Ай-лю-лю, мои сладкие птички! Угадайте, кто к вам пришел?

— Уходи подобру-поздорову, дедуля! — грозно ответили подруги, одновременно спуская тетиву луков на уровне человеческого роста. Обе стрелы прошили тонкую дверь навылет. С той стороны раздались грязные ругательства:

— Ах вы, мерзавки! Глупые ослицы! Бездомные собаки! Дранные кошки! Вы испортили мою любимую тубетейку! Ну, погодите же!..

В ответ девушки быстро отправили еще с десяток стрел, превратив дверь в подобие решета. Наступила тишина. Потом злорадный старческий голос возвестил:

— Промазали, дуры! А я, многомудрый, залег на пол, в уголок...— После чего раздался щелчок пальцев и тот же голос добавил: — Хочу, чтобы все оружие у них исчезло!

Шелти и Гюль-Гюль с удивлением обнаружили мгновенное исчезновение своего накопленного арсенала.

— Что будем делать? — любопытствовала принцесса.

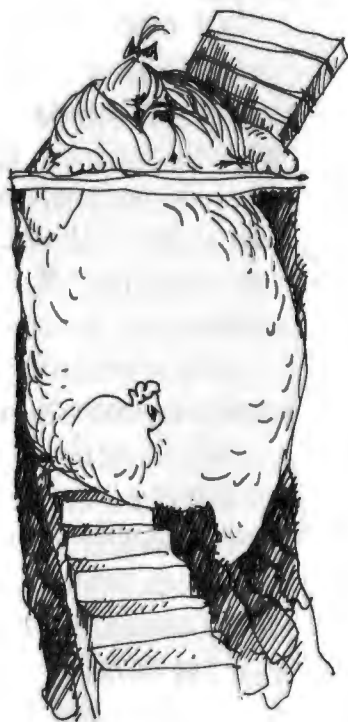
— Наши скоро будут здесь. Сэм уже наверняка вызнал, что к чему. Нас обязательно спасут, но мы должны протянуть время.

После второго заклинания баррикада пропала и дверь распахнулась. На пороге стоял замызганный от ползания по полу хан ифритов в дырявой тубетейке. Старичка буквально трясло от возмущения, — видимо, его прошлые жены не позволяли себе такого вольнодумства.

— А теперь, нечестивые девчонки...

— А теперь поиграем в прятки и догонялки! — грозно ответила дочь рыцаря, водружая на голову принцессы шапку-невидимку.

Пока сраженный таким нахальством Саюмбамбей хватался за сердце, Шелти не торопясь надела сапоги-скороходы и начала с сумасшедшей скоростью метаться по комнате. Веселье началось...

Вилкинс в это время как раз протискивался в узкий для него люк.

— Какая-то крысиная нора...— ворчал он.— Даже стройная болонка и та не пролезает. Каким боком я должен стул за собой тащить? Она бы еще комод предложила... Обойдется демон! Может, он сегодня не очень голодный...

Добравшись наконец до тайной комнаты, он восхищенно уставился на горящую фигуру в камине.

— Чего надо, лопоухий? — негостеприимно буркнул демон.

— Да вот, гуляю я тут, достопримечательностями люблюсь...

— Поллюбовался и вали!

— Не лезь в бутылку, мужик,— дружески улыбнулся ученик чародея.— Тебе ведь небось скучно тут одному? Ну так давай посидим, поболтаем...

— Не заговаривай мне зубы! — огрызнулся демон огня.— Думаешь, я не знаю, как ты уболтал Черного Пса? Я все знаю, со мной этот номер не пройдет.

— Ха, не можешь ты все знать! Ты же здесь сидишь, прикованный.

— Я — дитя Солнца! Во мне его частица, я живу его светом и огнем. Этот злобный колдун поймал меня и засунул сюда. Моей мощи не хватает, чтобы разорвать заколдованные цепи. Но все, что видит око Солнца, то ведомо и мне, понял, дубина?!

— Чего ж тут непонятного? Понятно все. А вот не скажешь ли мне...

— Не скажу! Плати,— обрезал демон.

— Да всего-то один вопросик!

— Плати!

— Ма-а-аленький.

— Плати!

— У, спекулянт подгорелый! — надулся песик.— Чем я тебе заплачу? Вон, книга есть, толстая. Хорошо гореть будет. На, забирай!

— Не-е-т! — не своим голосом завопил демон, но магическая книга уже летела в камин. Страницы мгновенно вспыхнули...

— Итак, по получении аванса мой вопрос: где ушлый хан хранит свой волшебный пергамент и как нам его достать?

— Не знаю! И никогда не знал! Что ты наделал, идиот? Книга полна всяких разрушительных заклинаний! Беги отсюда, балбес,— когда все страницы прогорят, тут такое начнется!.. Камня на камне не останется!

Вилкинс грустно вздохнул и полез обратно.

Бедный хан ифритов окончательно потерял голову. Дворец развален, джинна не докричишься, халат крокодилы обкусили, тубетейку теперь только выбросить, а тут еще и обе девушки разом пропали. И наказать-то некого! Одна в шапке-невидимке, как ее поймашь? Другая носится кругами, по диагонали и наперерез, как бесноватая, разве ее догонишь? Спасительный пергамент тоже не может помочь, он не в состоянии отобрать волшебство у волшебных вещей. Оставалось лишь

плюнуть на все и уйти... Но кто же добровольно уйдет из собственного дворца?! А тут еще в двери постучали и на пороге выстроилась солидная делегация незваных гостей из двух колдунов, девушки и воина с серебряным мечом. Именно меч и подсказал старому греховоднику единственно верное решение — незаметно протянув руку, он схватил стоящий у стены Секир-Башка-Карачун.

— Вот вы и попались! А ну, все руки вверх! Стоит мне хоть на дюйм вытащить клинок из ножен, и он начнет рубить всех, кто есть в комнате.

Повисла напряженная тишина. Потом Байрам-Бабай вздохнул, первым поднимая руки:

— Он прав. Это действительно волшебный меч. Он способен превратить нас в шашлык за четверть минуты. Придется сдаваться.

Сумасшедший король с неохотой сунул меч ведуна в ножны. Лагун и Мейхани, насупившись, последовали примеру Байрама. Саюм-бамбей медленно потянул из ножен волшебный меч.

— О нет! Ради Аллаха — нет! Эти добрые люди пришли спасти меня. Отпусти их, я сниму шапку-невидимку и навсегда останусь в твоём дворце,— раздался страстный голос принцессы.

— Ха-ха-ха! — довольно осклабился старикашка.— Ты не можешь ставить мне условия. Сейчас же отдай шапку, или твои друзья умрут! Повинуйся мне, нерадивая дочь султана.

Гюль-Гюль молча сняла с головы волшебный тюрбан и швырнула его к ногам хана ифритов.

— А теперь пусть эта северная красавица отдаст мне мои сапоги-скороходы!

Вжик!.. Шелти влетела в руки Джека, быстро сняла сапоги и забросила их в угол.

— Любимая... с тобой все в порядке?

— Да, дорогой. Как же долго я тебя ждала!

Глядя на эту счастливую пару, все невольно умилились, но Саюмбамбей не оставил своих злобных намерений:

— Всем встать к стене — я хочу вас видеть... пока вы еще живы.

Друзья, ворча, выстроились у стены, а в комнату меж тем влетела запыхавшаяся болонка:

— Беда, несчастье, трагедия! Сейчас здесь все... ой! А чего это у вас тут происходит?

— Казнь! — рявкнул хан. — Вставай в общий ряд, ошибка природы! Сейчас я буду рубить вам головы.

— Вот это я называю — успеть вовремя! — обреченно кивнул Вилкинс и, развернувшись, неторопливо пошел обратно.

— Куда? — не сразу опомнился хозяин дворца.

— Я на минуточку, — объяснил песик. — Только напишу завещание и сразу назад.

Все заулыбались. Да, Сэм в любой ситуации оставался самым собой.

— Итак, побеседуем напоследок... Мне многократно докладывали о страшных убийцах, идущих

штурмом на мой дворец. Вы разгромили моих слуг, разрушили мой дворец, смеялись и издевались над пожилым, уважаемым человеком. Вы заслуживаете самой страшной кары! Я решил, что смерть будет для вас слишком легким наказанием. Я хочу...

Хан ифритов щелкнул пальцами, и в них оказался чистый лист пергамента. Он еще раз открыл рот, чтобы

сказать, чего же он, собственно, хочет, но дверь приоткрылась, и в проеме показалась виноватая морда белой болонки.

— Перо и чернила я нашел, а бумаги нет. Кругом такой кавардак... Не одолжите листочек? Вот спасибо! — С этими словами пес цапнул из пальцев старичка бесценный пергамент и вежливо прикрыл за собой дверь.

Сначала никто ничего не понял. Особенно Саямбамбей. Сумасшедшему королю с друзьями было в принципе все равно, так как волшебный меч по-прежнему находился в руках злодея.

— Нет, каков нахал, а?! — наконец проснулся хан ифритов и возмущенно щелкнул пальцами. Появился лист пергамента. — Хочу, чтобы... Что это? Что это такое? Какой такой Сэм Вилкинс,

находясь в трезвом уме и здравой памяти, завещает свой почти новый ошейник своему единственному другу Джеку по прозвищу Сумасшедший король?!

На пергаменте чернели корявые буквы грамотного пса. Джек и Шелти, Лагун и Байрам, Мейхани и дочь султана так и рухнули у стены от смеха! Взбеленившийся старичок безнадежно щелкал пальцами — раз, еще раз, еще и еще... Безрезультатно! Испорченный пергамент ни в какую не желал становиться чистым, навсегда запечатлев на себе последнюю волю благородной собаки.

— Раздери вас шайтан! — завопил хан ифри-тов, вновь хватаясь за рукоять. — Все равно вы все умрете!

Но в эту минуту раздался громоподобный взрыв и пол комнаты треснул, отделив старичка от его жертв. Из трещины высунулся огненный демон:

— Вы еще здесь?! Бегите быстрее! Ваш тупоголовый пес запихнул в огонь книгу магических заклинаний. Мне разорвало цепи. Спасибо, конечно, но через минуту от дворца не останется даже пыли! А я возвращаюсь к Солнцу...

— На ковер! — скомандовала дочь рыцаря.

Уже вылетая, они увидели в окне бледного Саюмбамбея, гневно размахивающего мечом, но поздно... Страшной силы взрыв сотряс землю! Черный дым клубился до самых облаков, пыль

и песок закрыли солнце. Когда все немного пришли в себя, еще не совсем веря в свое счастливое избавление, первый же вопрос, заданный Мейхани, сразил всех:

— А где Сэм?

Ковер тотчас же развернулся и опустился вблизи огромного котлована, но среди мусора и обломков тела белой болонки видно не было. Изпод кучи песка выполз уцелевший ифрит. Узнав, что его хозяина больше нет, он радостно убежал в пустыню. Охранная граница оазиса не сработала,— значит, взрыв действительно положил конец злодействам Саюмбамбея. Но наших героев это не волновало. Все бегали по развалинам, искали, кричали, звали... Увы! Нигде не было даже шерстинки пушистого песика. Лагун и Байрам печально склонили головы, Мейхани плакала на груди у Шелти, а Гюль-Гюль ее утешала. Только Джек никак не хотел верить в то, что его друга больше нет. Он снова и снова лез на дымящиеся обломки стен, переворачивал плиты, разгребал завалы и звал, звал, звал...

— Уважаемый, вы не его ищете? — внезапно раздался голос сзади.

Сумасшедший король обернулся. На склоне бархана стоял черный джинн Лю-ля-ке-Баб с кольцом в носу. Он держал на руках огромную белую болонку.

— Пока без сознания. Такой стресс, ай-яй-яй... Получите, пожалуйста. Я сидел у себя, вдруг слы-

шу: огненный демон что-то лопочет о взрыве. Ну, пошел, взял вашу собаку в охапку, невзирая на протесты, вышел на балкончик, а тут как рванет! Я, наверно, до луны долетел, клянусь бородой шайтана! Но раз он вам так нужен, берите, мне не жалко...

— Сюда-а-а! — завопил счастливый Джек, бросаясь к другу.

— Водой на него побрызгайте, быстрее отойдет,— ласково посоветовал джинн.— Вай, вай, вай, какая героическая собака!

Волшебники и девушки бежали во весь опор. Сэма затискали, затормошили, зацеловали. Он быстро пришел в себя и теперь искренне недоумевал — с чего это в его честь устраивают такой праздник? Однако, получив кучу поцелуев от всех девушек и поняв, что враг разбит, он разомлел и пустился в пляс вместе со всеми. Когда первые восторги немного утихли, два старых волшебника торжественно подошли к белой болонке.

— Дорогой Самюэль,— начал Лагун-Сумасброд,— благодаря твоему подвигу и божественному Провидению, мы одолели злого колдуна Саюмбамбея, спасли дочь султана, вернули невесту твоему другу и избавили мир от многих страшных тварей. Хотя, конечно, именно ты втянул нас в эту опасную авантюру, но... Хорошо то, что хорошо кончается! Мы с коллегой решили сделать тебе небольшой подарок.

— Многоуважаемый и достопочтенный Вилкинс-джан,— продолжил Байрам-Бабай,— мы хотим вручить тебе наш скромный дар, но просим, чтобы на этот раз ты поступил с ним мудро. Не торопись, и да пребудет над тобой благословение Аллаха!

В протянутую лапу заинтригованного пса легло маленькое золотое кольцо.

— Перстень ифрита! — ахнул Сэм. Он мгновенно нацепил его на коготь и во все горло завопил: — Хочу снова стать человеком!

Через минуту ученик чародея отряхивал на себе одежду. Уж на этот раз он точно знал, чего хочет...

— Эй, ребята, мы тут всем напинали, всех победили, а награда? Одно маленькое колечко?

— За барханом целый караван верблюдов, наверняка груженный товаром и драгоценностями. Хватит на всех,— предложил старый Байрам, но Вилкинс имел в виду нечто другое.

— Надо что-нибудь взять на память! Богатство уходит, а мне бы скромненький сувенирчик... Так, чтобы будил воспоминания и Восток не казался мне таинственной сказкой. Я там был! Я воевал с ифритами! Сражался с джиннами! Боролся с шакалами! Единоборствовал с Карсаком, Черным Псом пустыни!

— Довольно,— схватился за голову Лагун-Сумасброд.— Похвала тебя только портит! Вон сбе-

гай на развалины и отвинти себе какую-нибудь дребедень на память!

Довольный Вилкинс подмигнул девушкам и, порыскав пару минут, начал отваливать в сторону тяжелую плиту:

— Джек! Да помоги же...

Вдвоем они наконец отодвинули плиту в сторону, и Сэм, заглянув вниз, учтиво оповестил:

— Милые дамы, дорогие сударыни, уважаемые ханум, драгоценные мадемуазели и прекрасные синьориты, вы свободны! Прошу на выход...

Из полуподвального помещения стали робко выходить расколдованные жены хана ифритов. Наши друзья только рты раскрыли от изумления. О бедняжках, превращенных в башмаки, никто и не вспомнил.

— А вы думали, я с Лю-ля-ке-Бабом только о глупостях болтал? Я же умный! Пре-ду-смо-три-тель-ный...

Возвращение в Кэфри с большим караваном верблюдов (в самом деле груженных золотом и драгоценностями) и огромным гаремом бывших ханских жен вылилось в общенациональный праздник! Султан, рыдая, обнимал дочь, Мейхани разбрасывала монеты народу. Лагун и Байрам два дня показывали магические фокусы, а потом удалились в тень персиковых садов вести научные беседы. Шелти и Джек вообще не расставались друг с другом, а Сэм рассказывал всем желающим страшные истории о своих героических подвигах.

Конечно, о женитьбе на спасенной принцессе он давно и думать забыл.

— Это внешне она умница-красавица, но я-то помню, как она гонялась за мной с кривой саблей... Вон на макушке до сих пор волосы еще не отросли!

На самом деле у Гюль-Гюль уже был жених. Молодой и красивый принц из соседнего Габустана сумел завоевать ее сердце, но гордая недотрога намеренно томила его ожиданием. Что трудней достается, то больше ценится... Кто поспорит с логикой женщины? Всем прочим соискателям султан от души предложил молоденьких и веселых вдов хана Саюмбамбея, расквартированных во дворце. Большинство радостно согласилось.

Когда же друзья наконец отправились домой, то проводить их на пристань высыпал весь город. Пестрели флаги, сыпались цветы, Лагун, Джек и Шелти уже прощально махали с борта корабля, а Сэм все никак не мог расстаться с Мейхани...

— Слушай, а вот там, в пустыне... Ну, когда я вернулся от Черного Пса, помнишь? Ты тогда сказала... ты меня называла...

— Помню.

— Это правда?

— Не знаю,— улыбнулась девушка.

— Как это? — не понял Сэм.

— Ну... если и сказала что, какая разница?

— Вот как... а я-то... я думал...

— Эх ты! Так ничего и не понял,— вздохнула Мейхани.— Уезжай, мой храбрый господин. Тебя ждут.

— А ты... ты... не... Пойдем со мной! — решил-ся ученик чародея.

— Зачем?

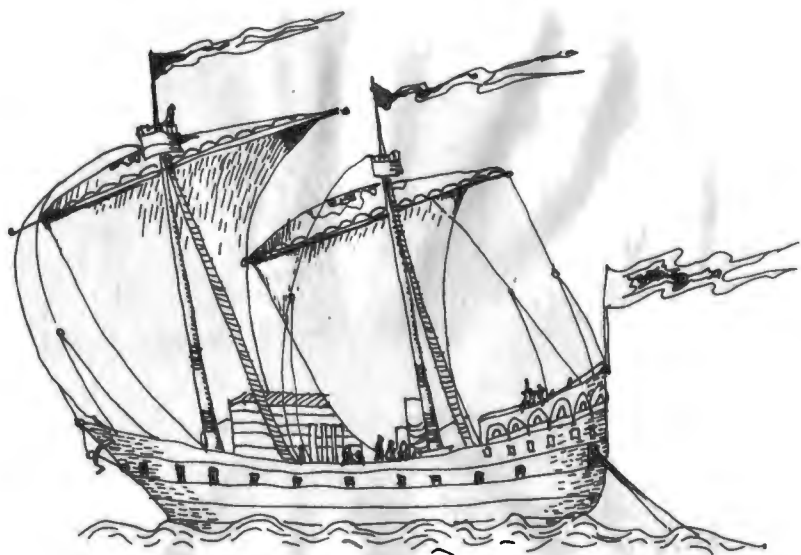
— Как «зачем»? Ну... в гости и... вообще.

— Нет. Никуда я с вами не поеду.

— Почему? — едва не заплакал Сэм.

— Да потому, что ты — чурбан бесчувственный и до сих пор не сказал мне самого главного...

— Я люблю тебя! — прозрел бывший пес. — Я давно люблю тебя, Мейхани! Выходи за меня замуж, пожалуйста...

— Да... — тихо ответила девушка, прижимаясь к его груди.

Час спустя корабль был едва виден на горизонте. Наши герои стояли на палубе, вглядываясь в голубую даль, радуясь солнцу и ветру.

— Мы богаты, едем домой, у меня есть невеста, у Джека его Шелти, всем хорошо. Лагун, я намерен жениться, обзавестись семьей, но ведь ты нас не бросишь?

— Зачем я вам? — недоуменно пожал плечами колдун. — Из тебя, недоучки, все равно не воспитать настоящего волшебника, а все твои мечты уже сбылись.

— Детям нельзя без дедушки, — ласково улыбнулась Мейхани. — Пожалуйста, не оставляйте нас.

— Ладно... я подумаю. — И Лагун-Сумасброд отвернулся к морю, чтобы никто не видел выступившие у него от умиления слезы.

— Да, пока не забыла... — Охотница сунула руку в карман и протянула Мейхани обычный гребень для расчесывания волос. — Это тебе, но не для тебя

— Как это? — удивилась девушка.

— Твой избранник так долго был собакой, что наверняка нахватался всякого зверья. А сколько я помню, Сэма в баню за уши тащить надо.

— Ложь! — возопил ученик чародея. — Да я еще перед отъездом из Бесклахома знаешь как мылся?!

— Она права... — сощурилась Мейхани. — А ну, давай сюда голову!

Костяной гребень быстро привел растрепанную прическу Вилкинса в божеский вид, но... на палубу корабля скатились три крупные жемчужины.

— Это волшебная вещица из дворца хана ифритов, — пояснила дочь рыцаря. — И очень полезная, как видите.

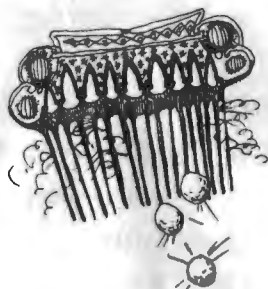
Сэм густо покраснел, а потом махнул рукой:

— Будем еще богаче! Но имейте в виду, что обе свадьбы надо играть одновременно. Это не важ-

но, что Джек и Шелти решили раньше. Я столько пережил, столько выстрадал, столько перенес...

— Сэм! Прекрати! — заулыбались все.

— Ну вот...— развел руками внебрачный сын марокканского султана.— Опять затыкают рот бедной собаке... Где справедливость, а?

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии «Замок чудес»
присылать по адресу:*

125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б

Издательство АРМАДА

с пометкой «Издательство Альфа-книга»

или по e-mail: mvn@armada.ru

Белянин А.

Б 44   Джек на Востоке: Сказочная повесть / Худож. Н. Торопицына. — М.: АРМАДА, «Издательство Альфа-книга», 1999. — 188 с.: ил. — (Замок чудес).

ISBN 5-7632-0838-2

В третьей книге А. Белянина о Джеке Сумасшедшем короле захватывающие приключения происходят на Воостоке. Спасая принцессу Гюль-Гюль, герои очищают пустыню от всякой нечисти и побеждают самого хана ифритов.

**УДК 82-312.9(02.053.2)
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-445я5**

РЕДАКЦИЯ
ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Для среднего и старшего школьного возраста

Замок чудес

АНДРЕЙ ОЛЕГОВИЧ БЕЛЯНИН

ДЖЕК НА ВОСТОКЕ

Сказочная повесть

Составитель серии

В. Н. Маршавин

Заведующий редакцией

В. Н. Маршавин

Ответственный редактор

К. А. Залесов

Художественный редактор

Н. Г. Безбородов

Технический редактор

А. А. Ершова

Корректор

Т. С. Дмитриева

Компьютерная верстка

Т. А. Рогожиной

Формат 60х90¹/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Ньютон».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,00. Изд. № 2243.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 387.

Издательство АРМАДА

125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Изд. лицензия ЛР № 065874 от 06.05.98.

Гигиенический сертификат № 77.ЦС.01.952.П.01644.С.98.

Отпечатано в типографии издательства «Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

Дмитрий Суслин
**ПОВЕЛИТЕЛЬ
ГОБЛИНОВ**

Троль по имени Друль отправляется на поиски пряжи золотого паука, разные части которой находятся у пяти волшебных существ. Собранная воедино, волшебная пряжа поможет Друлю проникнуть в наш мир на помощь Принцу Белой башни.

Множество приключений ждет троля. В пути он знакомится с дочкой Короля эльфов — принцессой Гальянкой. Девочка присоединяется к нему, чтобы спасти свое заколдованное Королевство и родителей. На пути героев лежит таинственный и страшный Колдовской лес!

Сумеют ли Друль и Гальянка преодолеть его — ответ на этот и другие вопросы в новой сказке!

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

**Спрашивайте наши издания
в книжных магазинах вашего города.
В Москве весь текущий ассортимент
нашего издательства
представлен на книжном рынке
«ОЛИМПИЙСКИЙ»**

(м. «Проспект Мира», с/к «Олимпийский», 2-й подъезд).

**Оптовые партии книг издательство
реализует исключительно через своих
региональных представителей:**

г. Москва:

«АСТ-Пресс. Образование»: (095) 521-94-74

«Арбалет»: (095) 261-93-05

г. Санкт-Петербург:

«Русский Север»: (812) 530-05-36

г. Ростов-на Дону:

«Эмис»: (8632) 32-87-71

г. Воронеж:

«Амитель»: (0732) 23-00-02

г. Новосибирск:

«Топ-книга»: (3832) 39-63-63

г. Челябинск:

«Корвет»: (3512) 36-75-10

г. Киев:

«Олса»: (044) 435-52-59

Справки по телефону (095) 454-13-61

Адрес издательства в INTERNET: <http://www.armada.ru>

10079

ЗАМОК
ЧУДЕС

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

ISBN 5-7632-0838-2

9 785763 208382

